

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук
Социологический институт РАН

Власть и элиты

Power and elites

2024

Том 11

№ 2

Санкт-Петербург
2024

РЕДАКЦИЯ

А.В. Дука, *главный редактор*, к.пол.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

А.С. Быстрова, *заместитель главного редактора*, к.э.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Д.Б. Тев, *заместитель главного редактора*, к.с.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

А.Ю. Швая, *ответственный секретарь*, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

В.Д. Дмитриева, *секретарь редакции*, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

EDITORIAL TEAM

Aleksandr V. Duka, *Editor in Chief*, Candidate of Political Science, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Alla S. Bystrova, *Deputy editor in chief*, Candidate of Economics, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Denis B. Tev, *Deputy editor in chief*, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Andrey Yu. Shvaya, *Executive secretary*, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Valeriia D. Dmitrieva, *Secretary*, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
Включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Дука Александр Владимирович**, *главный редактор*, кандидат политических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
- Быстрова Алла Сергеевна**, *зам. главного редактора*, кандидат экономических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
- Тев Денис Борисович**, *зам. главного редактора*, кандидат социологических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
- Ачкасов Валерий Алексеевич**, доктор политических наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
- Гаман-Голутвина Оксана Викторовна**, доктор политических наук, профессор, член-корр. РАН, МГИМО (У) МИД России, НИУ ВШЭ, президент Российской ассоциации политической науки (РАПН), Москва, Россия
- Гуторов Владимир Александрович**, доктор философских наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
- Завершинский Константин Федорович**, доктор политических наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
- Козловский Владимир Вячеславович**, доктор философских наук, профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
- Кочетков Александр Павлович**, доктор философских наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
- Лапина Наталия Юрьевна**, доктор политических наук, ИНИОН РАН, Москва, Россия
- Ледяев Валерий Георгиевич**, Ph.D. (Manchester, Government), доктор философских наук, профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия
- Малинова Ольга Юрьевна**, доктор философских наук, профессор, ИНИОН РАН, МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия
- Мацузато Кимитака**, доктор юридических наук, профессор, Токийский университет, Токио, Япония
- Мохов Виктор Павлович**, доктор исторических наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия
- Панов Петр Вячеславович**, кандидат исторических наук, доктор политических наук, Институт гуманитарных исследований ПФИЦ Уральского отделения РАН Пермь, Россия
- Покатов Дмитрий Валерьевич**, доктор социологических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
- Сельцер Дмитрий Григорьевич**, доктор политических наук, профессор, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
- Соловьев Александр Иванович**, доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
- Тыканова Елена Валерьевна**, кандидат социологических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
- Чирикова Алла Евгеньевна**, доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

EDITORIAL BOARD

- Aleksandr V. Duka**, *Editor in Chief*, Candidate of Political Science, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
- Alla S. Bystrova**, *Deputy Editor in Chief*, Candidate of Economics, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
- Denis B. Tev**, *Deputy Editor in Chief*, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
- Valeriy A. Achkasov**, Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- Oksana V. Gaman-Goluvina**, Doctor of Political Science, Corresponding Member of RAS, Professor, MGIMO-University, NRU “Higher School of Economics”, President of the Russian Political Science Association, Moscow, Russia
- Vladimir A. Gutorov**, Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- Konstantin F. Zavershinskiy**, Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- Vladimir V. Kozlovskiy**, Doctor of Philosophy, Professor, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- Alexander P. Kochetkov**, Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
- Natalia Yu. Lapina**, Doctor of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Moscow, Russia
- Valeriy G. Ledyaev**, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, NRU “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
- Olga Yu. Malinova**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, NRU “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
- Kimitaka Matsuzato**, Doctor of Law, Professor, The University of Tokyo, Tokyo, Japan
- Viktor P. Mohov**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia
- Petr V. Panov**, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Science, Institute for Humanitarian Research of PFRC of the Ural Branch RAS, Perm, Russia
- Dmitry V. Pokatov**, Doctor of Sociology, associate professor, Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia
- Dmitriy G. Seltser**, Doctor of Political Science, Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia
- Aleksandr I. Solovyev**, Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
- Elena V. Tykanova**, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
- Alla E. Chirikova**, Doctor of Sociology, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Гуторов В.А.

- 7–34 О некоторых актуальных проблемах интерпретации элит в современной политической теории

РОССИЙСКИЕ ЭЛИТЫ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Покатов Д.В.

- 35–52 Социальные детерминанты эволюции профессионально-личностного потенциала отечественной политической элиты в современных условиях

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Сафронов В.В.

- 53–73 Социальное структурирование участия в выборах Государственной Думы 2021 г.

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

Пустовойт Ю.А.

- 74–103 Условия и этапы становления политико-административных ассамблеж в городах Сибири

CONTENTS

PROBLEMS OF THE ELITE STUDIES

V. Gutorov

- 7–34 On some current problems of elites interpretation in modern political theory

RUSSIAN ELITES: PRACTICE AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT

D. Pokatov

- 35–52 Professional-personal potential of the domestic political elite: factors and vectors of contemporary changes

SHAPING OF THE NATIONAL ELITE

V. Safronov

- 53–73 Social structuring of participation in the 2021 State Duma elections

POWER AND ELITES IN RUSSIAN CITIES AND TOWNS

Yu. Pustovoyt

- 74–103 Conditions and stages of formation of political and administrative assemblies in Siberian cities

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.1>.

EDN: NXBRYA

В.А. ГУТОРОВ^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9;

² Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭЛИТ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. Исследование феномена политических элит в политической теории имеет множество измерений. В своем современном виде концептуальные основания интерпретации элит сформулированы более столетия назад в трудах В. Парето, Г. Моска и Р. Михельса, проникнутых беспрецедентным реализмом и стремлением применить научные методы к изучению политики. Аналитика элит, эволюционировавшая на протяжении столетий под воздействием самых различных детерминирующих факторов, тем не менее всегда сохраняла связь с классическими парадигмами, восходящими к политической философии раннего модерна, которая, в свою очередь, была тесно связана с традицией античной политической философии — от Пифагора и ранних софистов до Платона и Аристотеля. В этом плане практически все новейшие интерпретации

¹ Работа выполнена в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 г. по теме «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции» (рег. номер ЕГИСУ НИОКТР 124082300044-4) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

так или иначе включают в себя, спонтанно или целенаправленно, некий «традиционалистский» элемент. Исходной предпосылкой является очевидная констатация, согласно которой все общества управляются элитами и каждое общество имеет определенные средства создания своих элит. Анализ последних предполагает необходимость установления четких различий между обществами, обладающими механизмами создания элит, и обществами, которые не создают институциональных условий для их формирования. В современной политической науке анализ проблем, связанных с политическим статусом и амбициями элит довольно часто осуществляется в рамках дихотомии «теория элиты vs теория демократии». Вместе с тем демократическая теория и теория элит в их современном состоянии по определению не могут рассматриваться как сугубо научные, или «дескриптивные», поскольку на любом из этапов их эволюции они органически включали в себя ряд элементов, характерных для нормативной политической теории. Многие ученые открыто признают, что концепция элиты чревата проблемами, а непредсказуемая природа выбора элиты может стать преградой для теоретического прогресса (Д. Хигли, М. Бертон и др.). Такие выводы в определенном смысле коррелируют с некоторыми постулатами «позитивной политической теории», которая весьма активно развивается в западной политической мысли с начала XXI в. «Статистика споров» внутри позитивной политической теории свидетельствует о том, что в последние годы одной из ее наиболее чувствительных «болевых точек» становится «гипотеза демократического мира». Главный постулат, лежащий в основе этой гипотезы, состоит в том, что либеральные демократии редко или никогда не воевали друг с другом: войны происходили и могут происходить только между автократиями или между демократиями и автократиями. Многие противоречия и теоретические сомнения в отношении гипотезы демократического мира вызваны, по большей части, острой дискуссией, развернувшейся вокруг работ американского политолога Дж.Л. Снайдера, в которых данная гипотеза была подвергнута бескомпромиссной критике. Основной довод Снайдера заключается в том, что традиционные автократические элиты, столкнувшись с ситуацией, когда распространение демократии начинает угрожать их власти, создают «эксклюзионистские» этнические националистические режимы. Защищая собственные интересы, они вполне «рациональным» образом провоцируют националистические конфликты. Аналитика Снайдера в специфическом плане соприкасается и с так называемой минималистской концепцией демократии. Ее возникновение во многом связано с гипотезой, обоснованной в середине

XX в. Кеннетом Эрроу. На уровне нормативной политической теории попытка преодоления обозначенных выше философских проблем и моральных дилемм довольно рельефно представлена в работах Патрика Денина — одного из наиболее ярких представителей современного американского консерватизма. Исходным моментом инициированной им дискуссии являются все те же опасения относительно нарастания «нео-олигархических тенденций» в современных западных демократиях. В «проекте» самого Денина, намеченном исключительно в общих чертах, элементы классической политико-философской концепции «смешанной конституции» причудливо соединяются с футурологическими прогнозами, отмеченными стремлением к «консервативному синтезу».

Ключевые слова: элиты, политическая теория, демократия, олигархия, автократия, либерализм, консерватизм, национализм, этнические конфликты.

Для цитирования: Гуторов В.А. О некоторых актуальных проблемах интерпретации элит в современной политической теории // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 2. С. 7–34. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.1>. EDN: NXBRYA.

Анализ феномена политических элит в политической теории имеет множество измерений. В своем современном виде концептуальные основания интерпретации элит были сформулированы более столетия назад. «Элитизм, — отмечает Джордж Вольпе в работе “Итальянский элитизм и переформатирование демократии в Соединенных Штатах”, — основывается на предположении, что в каждом обществе меньшинство людей владеет наибольшим количеством существующих ресурсов и, следовательно, властью в ее различных формах, в силу чего оно доминирует над остальным населением. Из этого предположения следует, что все типы правления являются олигархиями и что политические идеологии представляют собой изменяющиеся рациональные обоснования конкретных властных отношений, которые всегда характеризовали жизнь всех обществ. Подобные принципы были сформулированы в серии работ, опубликованных в период с 1884 по 1916 гг., а затем уточнены и расширены после прихода фашизма к власти. К ним относятся “Sulla Teorica dei Governamenti e sul Governmento Parlamentare” (1884) и “Elementi di Scienza Politica” (1896 и 1923)

Гаэтано Моска; “Les systèmes Socialistes” (1902–1903) и “Trattato generale di sociologia” (1916 и 1923) Вильфредо Парето; “Zur Soziologie des Parteiwesens in der Modernen Demokratie” (1911 и 1925) и “Corso di Sociologia politica” (1927) Роберта Михельса. Хотя теоретики элиты обсуждали темы, которые всегда были предметом дискуссий о человечестве и обществе, их анализ был проникнут беспрецедентным реализмом и стремлением применить научные методы к изучению политики. Именно это позволило им привлечь внимание научного сообщества. Целью исследования элитизма было не установление наилучшей возможной формы правления или понимание того, как достичь идеального общества, а эмпирическое выявление конкретных основ человеческих отношений, а также ключевой социально-политической динамики. Элитизм, пишет Боббио, “не был выведен из априорных принципов, а был получен исключительно из беспристрастного и безжалостного наблюдения за фактами”. В этом заключалась сила его аргументов и язвительность его критики» [31, р. 10].

Как справедливо отмечает Джон Хигли в новейшем исследовании «Западные элиты и общества в политике XXI века», «подобно возникновению марксистской теории среди революционных потрясений XIX века, теория элит возникла в начале XX века перед лицом надвигающихся кризисов, угрожавших европейским политическим порядкам. Как и марксистская теория, теория элит содержала рецепты создания хорошего общества, в котором эффективные элиты обеспечивали бы индивидуальное достоинство, массовое благосостояние и политическую стабильность. Однако, в отличие от марксистской теории, теория элит избегала экономического детерминизма и любого видения финального пункта, знаменующего счастливый конец в человеческих делах. Уходя корнями в сравнительный исторический анализ, она обрисовывала неизбежность иерархической организации с сопутствующей концентрацией власти. Политические изменения определялись в плане их значительной зависимости от выбора, сделанного эгоистичными элитами. Тем самым идеалы всегда умерялись этими реалиями» [17, р. 21].

Обозначенные выше суждения лишней раз подтверждают тот бесспорный факт, что аналитика элит, эволюционировавшая на протяжении столетий под воздействием самых различных детер-

минирующих факторов, тем не менее всегда сохраняла связь с классическими парадигмами, восходящими к политической философии раннего модерна, которая, в свою очередь, была тесно связана с традицией античной политической философии — от Пифагора и ранних софистов до Платона и Аристотеля. В этом плане практически все новейшие интерпретации так или иначе включают в себя, спонтанно или целенаправленно, некий «традиционалистский» элемент, а их создатели довольно часто оказываются вынужденными отвечать на уже, казалось бы, давно решенные вопросы (см., например: [32, р. 50]). Разумеется, в современных концепциях элит существуют и такие «вечные вопросы», которые ученые всегда должны были учитывать независимо от обусловленных временем контекстов и трансформаций. К их числу относится, например, известный еще со времен В. Парето вопрос, с которого Эзра Н. Сулейман (Принстонский университет) начинает свое раннее исследование «Элиты во французском обществе: политика выживания»: «Почему некоторые элиты выживают, а другие умирают? Это вопрос, к которому обращались историки и социальные теоретики, пытаясь объяснить серьезные конфликты, которые терзают определенные общества. Конечно, общеизвестно, что некоторые общества более склонны к конфликтам и нестабильности, чем другие. Но даже внутри таких обществ часто под слишком очевидной турбулентностью скрывается значительная стабильность определенных групп и институтов... Важный вопрос, который необходимо задать, заключается в том, почему политические изменения, будь то постепенные и мирные или внезапные и насильственные, влияют на определенные институты больше, чем на другие. Другими словами, изменения необходимо рассматривать как включающие в себя два взаимодействующих компонента: изменения, происходящие в обществе в целом, и изменения, происходящие в различных институтах в ответ на трансформацию общества. Способность конкретных институтов выживать будет во многом зависеть от их способности меняться и адаптироваться» [28, р. 3].

Исходной предпосылкой для ответа на данный вопрос является очевидная констатация, согласно которой все общества управляются элитами и каждое общество имеет определенные средства создания своих элит. Анализ последних предполагает необходимость уста-

новления четких различий между обществами, обладающими механизмами создания элит, и обществами, которые не создают институциональных условий для их формирования. Отличительной чертой обозначенных выше механизмов является более или менее институционализированный процесс группирования элит в ряд «небольших кругов», а также хорошо отрегулированная система «сетей», обеспечивающих взаимодействия между этими кругами. Более того, занимаемые элитами позиции или посты наделены, по большей части, значительным престижем и даже определенной степенью харизмы. «Франция, — отмечает Э. Сулейман, — имеет один из наиболее четко установленных механизмов создания своих элит среди всех западных обществ. Это обусловлено в первую очередь тем, что государство берет на себя формирование национальных элит. Именно поэтому государство разработало систему, которая является сложной и изощренной, связывая профессиональную подготовку элит с их корпоративными организационными структурами. Для того чтобы объяснить элитарную структуру Франции, мы должны начать с понимания организации образовательной системы, которая создает элиты» [28, р. 4, 17].

Выводы Сулеймана лишь частично коррелируют с тезисом Хигли. Согласно последнему, в современной политической науке анализ проблем, связанных с политическим статусом и амбициями элит осуществляется в рамках дихотомии «теория элиты versus теория демократии». «В академической и популярной мысли, — отмечает Хигли, — теория элиты обычно воспринимается с опаской. Это происходит в основном потому, что многие считают ее неприятной. Хотя исследования эмпирических аспектов элит обширны, большая их часть связана с демократической теорией и степенью, в которой элиты отходят от ее предписаний. В отличие от демократической теории, теория элиты повествует о том, что делают или не делают особые группы людей в политическом мире. Она не ограничивается базовой предпосылкой монархий и аристократий, согласно которой определенные люди должны править и контролировать действия других людей. Вместо этого теория элиты имеет дело со следующим практическим вопросом: в какой степени происходящие в политике события в значительной степени определяются лицами, занимающими

руководящие должности во влиятельных организациях и движениях, что позволяет им оказывать решающее влияние на политические результаты. Эти люди, возможно, не лучше остальных, но теория элиты предполагает, что именно их поведение, а не поведение людей в целом во многом определяет то, что происходит в политике» [17, p. 22].

Следует прежде всего отметить, что Дж. Хигли довольно искусно и вполне целенаправленно стремится не акцентировать внимание на том, что демократическая теория и теория элит в их современном состоянии по определению не могут рассматриваться как сугубо научные, или «дескриптивные», поскольку на любом из этапов их эволюции они органически включали в себя ряд элементов, характерных для нормативной политической теории. На наш взгляд, одна из наиболее существенных причин подобной «фигуры умолчания» заключается в том, что в последнее десятилетие в западной политической науке наметилась совершенно определенная тенденция к исследованию процессов демократизации в различных регионах мира с преимущественной акцентировкой на поведении элит. Об этом свидетельствуют и многие работы самого Хигли (см., например: [11; 14; 15; 16; 18; 20; 21; 22; 25; 30], а также: [3]).

В своей работе «Демократический горизонт: гиперплюрализм и обновление политического либерализма» Алессандро Феррара, специально подчеркивая, что еще несколько десятилетий назад демократия стала «режимом без антагонистов», т.е. неоспоримым горизонтом, разделяемым всеми развитыми обществами западного мира, вместе с тем утверждал: «Парадоксально, но, как мы увидим, эта трансформация происходит в то время, когда социальные, исторические и культурные условия, в которых функционируют давно устоявшиеся демократические государства, становятся все более “негостеприимными”, и когда для многих народов мира демократия превратилась в стремление, от которого невозможно отказаться» [9, p. 1–2]. Комментируя выводы итальянского философа, участники дискуссии в журнале “Political Studies Review” также отмечали, что новые неотложные проблемы коренятся в парадоксально сложном положении демократии в XXI в. С одной стороны, за несколько десятилетий демократия пустила корни в регионах, где раньше у нее никогда не было прочной опоры (Центральная и Восточная Европа,

Латинская Америка, Юго-Восточная Азия, Южная Африка), и стала горизонтом примерно для половины человечества — тех, кто живет в 90 современных государствах. Для них демократия уже не просто одна из форм правления, а «квинтэссенция законности» — «успех, который бросает вызов политической теории, требующей отделить “настоящие демократии” от “выборных олигархий”. С другой стороны, в исторический момент, когда демократия становится “горизонтом”, нео-олигархические тенденции поднимают голову в обществах, которые уже являются демократическими, а популистские настроения выходят на первый план» [10, р. 2] (ср.: [1, 2, 8]).

В статье «Элитная переменная в демократических транзитах и распадах» Д. Хигли и М. Бертон, характеризуя научный уровень аналитики кризисных тенденций в эволюции демократических режимов, признают, что надежной теоретической основы для оценки перспектив их выживания просто не существует. Перспективным признается «многообещающий сдвиг в причинно-следственной направленности от социальных структур к политическим факторам», одним из которых является поведение влиятельных элит. «Некоторые ученые теперь предполагают, что демократические переходы и крахи в конечном итоге являются продуктами исторически обусловленного выбора элиты. Хотя этот сдвиг в причинно-следственной направленности является шагом вперед, он может привести в тупик, если не будет существенно проработан. Концепция элиты чревата проблемами, а непредсказуемая природа выбора элиты может стать преградой для теоретического прогресса. Мы предлагаем выход из этих и связанных с ними трудностей. Короче, мы утверждаем, что демократические переходы и провалы можно лучше всего понять, изучая основные линии преемственности и изменения во внутренних отношениях национальных элит. Разобшенная национальная элита, которая является наиболее распространенным типом, порождает ряд нестабильных режимов, имеющих тенденцию колебаться между авторитарными и демократическими формами в течение различных промежутков времени. Если только трансформации элиты не предшествуют или не сопровождают изменения режимов — от разобщенности к консенсусному единству в случаях демократических переходов или от консенсусного единства к разобщенности в случаях демократических провалов — их

следует рассматривать как строго временные. Однако такие трансформации элиты происходят редко... Мы демонстрируем, что связь между разобщенностью элиты и нестабильностью режима была более распространенной и устойчивой в исторических и современных национальных государствах, чем это обычно признается» [19, p. 245–246].

Выводы Хигли и Бертона в определенном смысле коррелируют с некоторыми постулатами «позитивной политической теории», которая весьма активно развивается в западной политической мысли с начала XXI в. Позитивная политическая теория, в узком понимании, эквивалентна тем разделам теории рационального выбора, которые применяются для исследования политики. В более широком понимании, она может относиться к гораздо более пространному спектру аналитических подходов. Ее границы «устанавливаются двумя известными контрастами: позитивное, или то, что есть, противопоставляется нормативному, или тому, что должно быть; а теория, в смысле абстракции и объяснения, противопоставляется подробным описаниям частных случаев... Немногие из ее многочисленных выводов, возможно, представляют большой интерес для политических теоретиков, но методы и общий подход такого “поведенческого” исследования — это другой вопрос. И в последнее время некоторые из их наиболее важных приложений были связаны с масштабными утверждениями о причинах и следствиях демократии» [12, p. 57].

«Статистика споров» внутри позитивной политической теории свидетельствует о том, что в последние годы одной из ее наиболее чувствительных «болевых точек» становится «гипотеза демократического мира» (The Democratic Peace Hypothesis). Главный постулат, лежащий в основе этой гипотезы, состоит в том, что «либеральные демократии редко или никогда не воевали друг с другом. Но можем ли мы сказать, что демократия является причиной мира или достаточным условием для него? Гипотеза демократического мира, по сути, является утверждением, что войны происходили и могут происходить только между автократиями или между демократиями и автократиями. Если бы все страны были демократиями, войн бы не было» [12, p. 58]. По мнению Гуго Дональда Форбса, независимо от того, правда это или ложь, такой подход не может не влиять на принятие политических

решений на самом высоком уровне. Поэтому и теоретически, и практически представляется важным определить, правда это или ложь на самом деле. Иными словами, как считают многие специалисты (Д. Гова и др.) эта гипотеза не является универсальной, но может рассматриваться «лишь как статистическое правило в определенных обстоятельствах, как побочный продукт определенной структуры альянсов». Другие недавние исследования выдвинули схожую критику, предполагая, что общие «культурные переменные» (сходство интересов и мировоззрения) важнее «структурных переменных» (формы правления) при объяснении отношений между государствами. Спорные гипотезы иногда можно защитить, объединив их с другими в более сложную теорию. «Каждая гипотеза в отдельности может быть уязвима для разрушительных возражений, но в сочетании с другими она может стать частью гораздо более прочной сети убеждений. Эта возможность прекрасно проиллюстрирована недавними обсуждениями практически очень важного возражения против гипотезы демократического мира. Зрелые демократии могут не вести войны друг с другом, и у них могут быть надежные способы разрешения внутренних конфликтов, но как насчет стран, находящихся в процессе перехода к более демократической форме правления? Крах авторитарной власти может означать конец соглашений о разделении власти между этническими или национальными соперниками. Более того, угроза правления большинства может дать традиционным авторитарным элитам мотив для разжигания этнической или национальной розни, чтобы заблокировать дальнейшую демократизацию. Таким образом, демократизация в контексте этнического разнообразия и латентных этнических конфликтов может привести не к миру, а к гражданской и международной войне. Примеры, которые, кажется, соответствуют этой модели, легко приходят на ум, но иллюстрируют ли они общее правило?» [12, р. 58].

Обозначенные Г.Д. Форбсом противоречия и теоретические сомнения в отношении гипотезы демократического мира вызваны по большей части острой дискуссией, развернувшейся вокруг работ американского политолога Джека Льюиса Снайдера, в которых данная гипотеза была подвергнута настолько бескомпромиссной критике, что споры не утихают вплоть до наших дней. Первоначально главным

объектом дискуссии стала ранняя работа Снайдера «От голосования к насилию: демократизация и националистический конфликт» (2000), исходным пунктом которой стал следующий тезис: «Националистические конфликты возникают как побочный продукт усилий элиты убедить людей принять разъединяющие националистические идеи» [26, р. 32]. В своей рецензии на книгу Снайдера, написанной буквально «по горячим следам», Стивен Дитс отмечал, что автор «не просто бросает вызов ортодоксальному представлению о либеральной демократии как о панацее от этнических конфликтов, но и политические рекомендации, которые он дает по результатам своего исследования, прямо противоречат рекомендациям многих западных правительств и международных организаций, особенно тех, которые занимаются правами человека... <...> Явно укоренившись в конструктивистских теориях национализма, Снайдер рассматривает национализм как реакцию на модернизм и социальные изменения. Поскольку демократизация, безусловно, включает в себя социальные изменения, Снайдер считает, что элиты в демократизирующихся государствах часто используют национализм для повышения легитимности режима и своей собственной власти... Великая сила книги “От голосования к насилию” заключается в напоминании ученым и политикам, что демократизация — это беспорядочный процесс, и демократическая консолидация должна быть достигнута быстро. Конечно, элиты обращаются к националистической риторике в поисках общественной поддержки, но это свойственно не только демократизирующимся государствам. Однако даже в демократизирующихся государствах общественность часто не хочет того, что эти элиты пытаются ей продать» [5, р. 352, 354–355].

Основной довод Снайдера заключается в том, что «традиционные авторитарные элиты, столкнувшись с ситуацией, когда распространение демократии начинает угрожать их власти, создают “эксклюзивнистские” этнические националистические режимы. Защищая свои собственные интересы, они вполне “рациональным” образом провоцируют националистические конфликты. Заявляя, что они правят от имени “находящегося под угрозой народа”, они избегают необходимости передавать реальную политическую власть рядовому гражданину» [12, р. 59].

На наш взгляд, в наиболее развернутом виде данные аргументы развиваются в опубликованной пять лет спустя совместной работе Э.Д. Мансфилда и Дж. Снайдера «Выбор борьбы: почему рождающиеся демократии отправляются воевать», в которой теоретические доводы повсеместно подкреплялись соответствующими историческими примерами. «Ни одна зрелая демократия, — отмечают Мансфилд и Снайдер, — никогда не вела войну друг против друга. Следовательно, общепринятая мудрость гласит, что содействие распространению демократии будет способствовать миру и безопасности во всем мире... Однако в краткосрочной перспективе начальные этапы перехода к демократии часто приводят к войне, а не к миру. После окончания холодной войны эта причинно-следственная связь между демократизацией и войной стала особенно яркой, но фундаментальная модель так же стара, как и сама демократия, и восходит по крайней мере к Французской революции. Не все демократические транзиты опасны. Вероятность войны возникает в основном в тех переходных государствах, где отсутствуют сильные политические институты, необходимые для функционирования демократии (такие как эффективное государство, верховенство закона, организованные партии, соревнующиеся на честных выборах, и профессиональные средства массовой информации). Когда эти институты отсутствуют или слабы, у политиков есть стимул прибегать к агрессивным националистическим призывам, называя своих оппонентов врагами нации, чтобы одержать победу в предвыборной борьбе. В демократизирующихся государствах национализм — это идеология, имеющая огромную привлекательность для элит, чьи привилегии находятся под угрозой. Его можно использовать для убеждения недавно наделенных полномочиями избирателей в том, что раскол между привилегированными и массами не имеет значения по сравнению с расколами, разделяющими нации, этнические группы или расы. Национализм утверждает, что народ в целом имеет право на самоуправление, но он необязательно обещает, что правительство должно быть строго подотчетно рядовому избирателю посредством демократических процессов, регулируемых верховенством закона. Националистическая риторика требует правительства для народа, но необязательно самого народа (by the people)» [24, р. 1–2].

Мансфилд и Снайдер утверждают, что борьба за национальное самоопределение происходит, когда судьба как элит, так и массовых групп меняется. Элиты, оставшиеся от старого режима, отчаянно ищут стратегии, которые предотвратят их падение, в то время как восходящие элиты пытаются вмешаться, и обе борются за союзников среди недавно пробудившихся масс. Элиты часто пытаются решить политические дилеммы, прибегая к национализму, доктрине, «согласно которой особый (*distinctive*) народ заслуживает автономии в государстве, которое защищает и продвигает его особые культурные или политические интересы». Национализм помогает элитам мобилизовать поддержку масс на основе чувств, а не искать их лояльности, предоставляя «отзывчивые институты», защищающие его интересы. «Национализм также помогает дать точное определение народа, осуществляющего самоопределение. Таким образом, он проясняет границы между “народом” и его внешними врагами, становящимися козлами отпущения в рамках самореализующейся стратегии, которая мобилизует поддержку для защиты от внешних угроз». Национализм привлекателен для восходящих групп, использующих его как популистскую дубинку, которую можно применять против элит, «недостаточно ревностных в отстаивании интересов “нации” (т.е. “народа”»». В то же время национализм может быть использован в качестве контртактики элитами — старыми и новыми, которые хотят обойти новые демократические ограничения своего правления. Заявляя, что они действуют от имени «народа», но не подчиняясь ему напрямую, эти элиты могут очернять своих оппонентов как «врагов нации», которые находятся в сговоре с внешними врагами, и таким образом оправдать ограничение политических и гражданских прав своих оппонентов. «Эта националистическая дубинка может быть особенно привлекательной для военных элит, экономических протекционистов или этнических предпринимателей. Почти повсеместное появление националистической идеологии на ранних этапах демократизации предполагает, что ее полезность на этом формирующем политическом этапе является общей и может быть адаптирована для использования практически любой потенциальной правящей группой» [24, p. 10].

В историческом плане «военные переходы к демократии» давно приобрели характер устойчивой традиции. С момента зарождения

современной массовой политики во времена Французской революции практически все великие державы стали воинственными и вели народные войны на ранних этапах своих демократических экспериментов. «Во Франции XVIII века народный патриотизм, высвобожденный революцией, поддерживал массовую армию, которая сражалась с предполагаемыми врагами революции по всей Европе. Эта трагедия, как выразился Карл Маркс, была повторена как фарс, когда Луи Наполеон, избранный президентом Франции в 1849 году, хвастался своими военными победами, чтобы удержать свою власть в конституционном, полуизбирательном (semi-electoral) режиме. Даже в условиях относительно безболезненного перехода Великобритании к демократии городской средний класс, получивший избирательные права в соответствии с Законом о реформе 1832 года, проявил энтузиазм, который подпитывал как политику торгового империализма Палмерстона, так и Крымскую войну. Более мучительный путь Германии к демократии послужил толчком к пяти агрессивным войнам между 1864 и 1939 гг. По мере того как монархическая Пруссия трансформировалась в демократизирующуюся Германскую империю, канцлер Отто фон Бисмарк создал военно-политический альянс между националистическим средним классом и милитаристскими элитами, воплощенный в политической системе, которая сочетала законодательный орган, избираемый всеобщим голосованием, и правительства, назначаемые кайзером. Ранняя фаза демократической политики Японии также была отмечена народным милитаризованным национализмом. Когда Великая депрессия поразила демократизирующуюся Японию в конце 1920-х гг., демократическая, фритредерская коалиция рабочих и капитала в ориентированных на экспорт потребительских отраслях вскоре была вытеснена империалистической коалицией, которую возглавляли военные и которая имела сильную электоральную поддержку. В Соединенных Штатах в 1830–1840-х гг. реформы Джексона, установившие массовую демократию путем сокращения ограничений избирательного права и расширения прямых выборов должностных лиц, совпали с ростом народной поддержки войны за приобретение рабовладельческими штатами территорий за счет Мексики» [24, р. 6–7].

Конечный вывод Мансфилда и Снайдера заключается в том, что, хотя процесс демократизации имеет тенденцию увеличивать риск войны, многие страны проходят через этот процесс мирно. В 1980-х и 1990-х годах многочисленные государства консолидировали свои демократические переходы довольно успешно с небольшим внешним или внутренним насилием, если таковое вообще имелось. «Эти счастливые случаи включали многие страны в южном конусе Южной Америки, в северо-восточной Европе и в Восточной Азии. Южная Африка также, несмотря на некоторое внутреннее насилие, пережила достаточно плавный переход... В большинстве этих государств влиятельные элиты не чувствовали угрозы в связи с успешным переходом к демократии, отчасти потому, что надежные государственные институты давали надежные гарантии того, что элитам будет обеспечен мягкий переход. Поэтому они были менее склонны оказывать сопротивление переменам. Там, где при таких условиях быстро возникали сильные демократические институты, демократия довольно легко консолидировалась и переход был в основном мирным, как в Бразилии, Чили, Венгрии и Польше. Там, где имела институциональная основа, переходы были мирными даже в геополитически сложных случаях, когда неразрешенные национальные разделы (partitions) повышали риск войны, как в Южной Корее и Тайване. Напротив, там, где институты, необходимые для демократии, были слабыми, а демократизация оставалась незавершенной, война была более вероятной, как в Эфиопии, Пакистане и Перу» [24, р. 8].

В заключительной части работы Мансфилд и Снайдер специально отмечают, что некоторые страны настолько богаты социальным капиталом или настолько хорошо наделены соответствующими политическими институтами, что могут плавно перейти от автократии к консолидированной демократии, как это сделали Польша и Венгрия после падения коммунизма. «Однако там, где это невозможно, остаются вопросы о скорости перехода к демократии. А именно каковы последствия постепенных переходов для консолидации и мира, и каков наилучший путь к этим благоприятным результатам? Дитрих Рюшемайер, Эвелин Хубер Стивенз и Джон Д. Стивенз утверждают, что соглашения, направленные на защиту элиты, способствовали постепенной консолидации демократии в Южной Америке, например,

в Бразилии и Чили. Принимая во внимание различные формы демократии переходного типа, они утверждают, что “ограниченная демократия”, которая накладывает различные виды ограничений на демократическое участие или полномочия, является особенно стабильной. По их мнению, ограниченная демократия, использующая то, что Гильермо О’Доннелл и Филипп Шмиттер называют “пактами”, функционирует хорошо, когда она основана на правоцентристской коалиции между средним классом и старыми правящими элитами с одной или двумя сильными партиями, по крайней мере, одна из которых защищает интересы элиты» [24, р. 270]. Этому способствуют также низкий уровень участия военных в политике и рабочий класс, организованный для выражения своих интересов, но не для борьбы за власть. «Таким образом, типичная контрреволюционная националистическая коалиция может быть сформирована без разыгрывания националистической карты воинственным образом. В конце концов, страна может стать достаточно богатой и институционально развитой, чтобы демократизация стала гладким и упорядоченным процессом, как на Тайване и в Южной Корее. Эта стратегия иногда может быть эффективной в консолидации демократии. Поскольку она защищает интересы элит, она отодвигает на задний план их побуждения подвергать риску собственное возрождение, прибегая к националистическому насилию» [24, р. 270].

Следует также отметить, что в поздней книге Дж. Снайдера «Права человека для прагматиков: социальная власть в современную эпоху» (2022) некоторые обобщающие выводы приобретают откровенно этический характер и выглядят как своеобразный «моральный комментарий» к поведению либеральных и нелиберальных элит, обладающих непробиваемым «корпоративным иммунитетом» в отношении любых критических оценок: «Но как насчет того, чтобы пристыдить элиты? В конце концов, основная тенденция движения за права человека и либеральной идеологии прав в целом предпочитает исходить из того, что источником большинства нарушений прав являются могущественные элиты, особенно репрессивное государство. Даже когда насилие является широко распространенной культурной практикой, например детский труд или ранние браки, правозащитные организации предпочитают стыдить государственные органы за то, что

они не предпринимают достаточных мер для пресечения этой практики. Возможно ли пристыдить закоренелую элиту, не опасаясь вызвать невротическую реакцию? Некоторые социальные психологи утверждают, что элиты, как правило, слишком хорошо изолированы, чтобы их можно было эффективно пристыдить. Политики психологически “закалены” против критики, которая для них обычно является просто рутинной. Консультанты по связям с общественностью и специалисты по стратегиям корпоративного имиджа защищают экономические элиты. Последние окутаны коконом идеологии свободного рынка, согласно которому невидимая рука определяет их политику в отношении труда и окружающей среды» [27, р. 206].

Аналитика Снайдера, на наш взгляд, в специфическом плане соприкасается с так называемой «минималистской концепцией демократии». Ее возникновение во многом связано с гипотезой, обоснованной в середине XX в. Кеннетом Эрроу. Согласно этой гипотезе, «не существует способа преобразовать выражение индивидуальных предпочтений в рациональное коллективное решение, которое могло бы правдоподобно претендовать на то, чтобы представлять волю народа... Приняв данное положение за основу, многие пришли к выводу, что сама идея народной воли или общего блага бессмысленна или “пуста”. Отсюда развился ряд минималистских взглядов, которые сохранили концепцию демократического процесса, основанную на агрегированном взгляде, и в то же время отказались от идеи, согласно которой коллективное решение должно представлять общее благо. Одной из таких точек зрения является “мэдисонианская” точка зрения, предложенная Уильямом Райкером. Райкер считает, что демократические выборы существуют исключительно для целей “сдерживания чиновников” и предоставления людям возможности “избавиться от правителей”, которые их “обидели”. Таким образом, по мнению Райкера, демократия — это “не народное правление, а скорее прерывистое, иногда случайное, даже извращенное народное вето”» [29, р. 610].

На уровне нормативной политической теории попытка преодоления обозначенных выше философских проблем и моральных дилемм довольно рельефно представлена в ряде работ Патрика Денина — одного из наиболее ярких представителей современного американского

консерватизма. Исходным моментом инициированной им дискуссии являются все те же опасения относительно нарастания «нео-олигархических тенденций» в современных западных демократиях, которые уже упоминались выше в связи с анализом работы А. Феррара «Демократический горизонт: гиперплюрализм и обновление политического либерализма». В своей новейшей книге «Смена режима» П. Денин, в частности, отмечает: «Предупреждения об олигархии и правлении толпы ежедневно появляются на первых полосах газет по всей стране, а также по всему Западу. Растущий хор голосов размышляет о вероятности и даже желательности гражданской войны, в то время как другие открыто призывают к навязыванию грубой силы одним классом для подавления политических амбиций противостоящего им класса... То, что мы наблюдаем в Америке, — это режим, который исчерпал себя. Либерализм не только потерпел неудачу... но его двойное принятие экономического и социального “прогресса” породило особенно опасную форму того древнего разделения, которое противопоставляет “немногих” “многим”» [6, р. 6].

В своей более ранней работе «Почему либерализм потерпел неудачу» основным источником «олигархического перерождения» американский философ называет современное либеральное государство: «Почти все обещания, данные архитекторами и создателями либерализма, разлетелись вдребезги. Либеральное государство расширяется, чтобы контролировать практически все аспекты жизни, в то время как граждане считают правительство далекой и неконтролируемой силой, которая лишь усиливает их чувство бессилия, неустанно продвигая проект “глобализации”. Единственные права, которые сегодня кажутся надежными, принадлежат тем, у кого достаточно богатства и положения, чтобы их защищать, а их автономия, включая права собственности, избирательное право и сопутствующий ему контроль над представительными институтами, религиозную свободу, свободу слова и безопасность документов и жилища, все больше подрывается юридическими реалиями или технологическими *fait accompli*. Экономика *благоприятствует* новой “меритократии”, увековечивающей свои преимущества посредством *преемственности поколений*, подкрепленной образовательной системой, которая неустанно отсеивает победителей от проигравших (курсив мой. — В.Г.). Растущая дистанция между

заявлениями либерализма и его действительностью все больше подстегивает сомнения относительно этих заявлений, а не порождает веру в то, что разрыв будет сокращен. *Либерализм потерпел неудачу — не потому, что он не оправдал ожиданий, а потому, что он был верен себе. Он потерпел неудачу, потому что он преуспел* (курсив мой. — В.Г.). По мере того как либерализм “становился все более самим собой”, по мере того как его внутренняя логика становилась все более очевидной, а его внутренние противоречия — прозрачными, он порождал патологии, которые, будучи деформациями его претензий, тем не менее одновременно являются реализациями либеральной идеологии» [7, p. 2–3] (см. также: [6, p. 12, 13 *passim*]).

В качестве основной причины обозначенных выше патологий Денин выделяет весьма специфическую политику новых либеральных элит: «Вера в то, что политический мир может быть достигнут только посредством прогресса, требовала, чтобы эффективный контроль над политическим порядком был зарезервирован за либеральными элитами как справа, так и слева, которые могли бы обеспечить себе блага прогресса — экономического или социального» [6, p. 7].

По мнению американского политического теоретика, современная элита — совершенно новое явление в истории человечества. В то время как в каждом известном человеческом обществе всегда был правящий элемент, природа современной элиты возникает из совершенно новых обстоятельств — кульминационной реализации либерализма. Четыре аспекта отличают новый правящий класс от других «честолюбивых претендентов», которые предшествовали его возвышению.

Во-первых, эта элита является «управленческой», обладая определенным набором взаимозаменяемых навыков, которые равнозначны другим формам разграничения статуса, таким как унаследованный ранг, собственность или богатство. Она сочетает в себе, в частности, классический либеральный акцент на экономической производительности с прогрессивной либеральной валоризацией технократии. Хотя члены этой элиты предпочитают сражаться друг с другом «по либеральной оси», отличающейся большей приверженностью либо экономическому либо социальному либерализму, как класс они, по сути, выступают против основных ценностей, не стремящихся

к членству в этом классе людей, особенно против более стабильного и «управляемого» демоса.

Во-вторых, поскольку этот класс возник именно в противовес наследственному статусу, характерному для старой аристократии, он яростно выступает как против принципа иерархии, так и против наследования статуса. И все же, хотя эта элита и возникает благодаря другому набору характеристик, свойственных управленческой технократии, ее статус быстро овеществляется в форме передающейся по наследству иерархии. Вместо того, чтобы мучиться из-за этого противоречия, новая элита прибегает в лучшем случае к своекорыстному самообману или, в худшем случае, к намеренному сокрытию информации относительно своего статуса, который достигается за счет перспектив процветания среди тех, кто не является членами управленческого класса. Самообман или крайне ложное представление о себе достигаются, в частности, посредством акцентирования своего эгалитаризма посредством проведения «политики идентичности», наиболее громко артикулируемой в элитных институтах, в которых этот класс формируется и аккредитуется.

В-третьих, постоянно прибегая к «политике идентичности», современный правящий класс использует власть не в традиционной прямолинейной манере, «а посредством обращения к вооруженной форме “принципа вреда” Джона Стюарта Милля, в котором неуважение к идентичности используется в качестве агрессивного инструмента контроля и господства». В частности, посредством заявлений о преследованиях со стороны тех, кто занимает (или готовится занять) позиции, связанные с властью и влиянием, правящая элита стремится ограничить и даже подавлять или искоренять остатки традиционных верований и практик тех, кто целенаправленно формирует мировоззрение рабочего класса, — утверждая, что эти взгляды принадлежат угнетателям. Наглядные «средства защиты», такие как предупредительные заявления «о чрезвычайной ситуации» и осуждение «небезопасных» условий, на самом деле используются в качестве оружия для установления контроля над низшим классом. То, что часто воспринимается как *полное несоответствие* свободе мысли и идей в либерализме, на самом деле является его кульминацией — конечной целью либерального «принципа вреда», направленной на сохранение статуса правящего класса.

И наконец, основным средством, с помощью которого современная элита осуществляет контроль, является не осуществление государственной и публичной власти, а «частные» или полуприватистские структуры, такие как университеты, корпорации, средства массовой информации и артистические центры власти, такие как Голливуд. Ее политическая власть в значительной степени заложена в бюрократии и квазигосударственных институтах, что делает ее менее доступной для контроля со стороны избирателей или народа, т.е. практически свободной от открытых и публичных ограничений, которые гораздо легче навязываются теми же частными и полуприватистскими образованиями. При необходимости эта власть используется против законного демократического управления и прославляется как триумф прогресса. Иногда ее называют «пробудившимся капиталом», она отражает «управленческую» и либеральную природу сегодняшней элиты, предпочитающей скрывать свою власть и статус, используя неправомерные формы контроля. Такое осуществление власти лучше всего понимать как навязывание определенного набора ценностей и обязательств, которые в конечном итоге улучшают положение и статус правящего класса, но в соответствии с изначальным недоверием либерализма к репрессивному правительству это все чаще происходит под эгидой негосударственных институтов, находящихся вне и за пределами контроля якобы правящей общественности [6, р. 27–28].

Последняя определяющая черта этой новой элиты — почти полное отделение нового класса от низших и трудящихся классов. Образовательное и географическое разделение — яркая черта нового правящего класса, поскольку образование обеспечивает как экономические средства, так и психическую способность ориентироваться в высоких издержках и нестабильности отношений в современных городских условиях. Рабочий класс, напротив, часто полагается на более тесную сеть связей в своих родных сообществах и предпочитает ее, считая для себя затруднительным, даже невыносимым, стремиться к экономическому преимуществу в других местах. Таким образом, сегодняшняя элита особенно определяется «беззаботным фактом», который в противном случае был бы источником глубокой обеспокоенности для каждой предыдущей элиты: «почти полным

отсутствием серьезных размышлений о ее отношениях с низшими и рабочими классами». Это не означает отсутствие декларативной приверженности бедным и угнетенным, что является видимой и нарочитой чертой новой элиты. Скорее «ей поразительно не хватает серьезного размышления о проблеме жизнеспособности режима, о том, как избавляться, примирять, смягчать или преодолевать разделение между многими и немногими». Самонадеянность современной элиты, особенно пропагандируемая в ее образовательных учреждениях, «заключается в том, что единственный реальный ответ на разделение между многими и немногими — это эффективное превращение “многих” в “немногих”, т.е. уравнивание посредством значимого перераспределения *управленческого статуса* для каждого человека» [6, р. 33–34].

В конечном итоге, отмечает Денин, «мы являемся свидетелями возникновения извращенного сочетания новых и старых форм тирании: не грубое навязывание власти немногих, приводящее к несчастью многих, и не мягкий деспотизм патерналистского государства, удерживающего своих граждан в состоянии перманентной инфантильности, а принудительное навязывание радикального экспрессивизма населению со стороны правящей элиты. В брачном союзе классического и прогрессивного либерализма принудительное безразличие к взглядам других становится обязательным прославлением индивидуального экспрессивизма, окончательным слиянием антикультурного, революционного потребительского выбора как базовой человеческой философии. Нечестивый союз прогрессивного государства и либертарианского рынка сегодня навязывает принятие капиталистического потребительского выбора во всех аспектах жизни, радикальный индивидуализм и экспрессивизм как маркер человеческого освобождения и постоянный революционный этос, который расстраивает и дестабилизирует перспективы порядка и стабильности, особенно среди трудящихся классов» [6, р. 49].

На наш взгляд, представленный в работах П. Денина анализ эволюции западных элит при всей его теоретической глубине и реалистичности также включает в себя довольно ярко выраженные моменты «этического экспрессивизма», истоки которого восходят к утопиям раннего европейского модерна и в различной степени

постоянно присутствующие в многообразных современных политических проектах, имеющих различную идеологическую направленность. В «проекте» самого Денина, намеченном исключительно в общих чертах, элементы классической политико-философской концепции «смешанной конституции» причудливо соединяются с футурологическими прогнозами, отмеченными стремлением к «консервативному синтезу». В частности, отвечая на вопрос, как примирить «немногих» и «многих», «один из старейших вопросов западной философской традиции», П. Денин утверждает: «Ответ, изобретенный такими разными мыслителями, как Аристотель, Цицерон, Полибий, Фома Аквинский, Макиавелли и Алексис де Токвиль, состоял в идее “смешанного режима” — смешения двух классов. Согласно этому толкованию, целью было достижение некоего баланса и равновесия между двумя классами, а хороший политический порядок — это тот, который обеспечивает некую стабильность и преемственность в течение длительного периода времени и обеспечивает “общее благо”, широко распространенную перспективу человеческого процветания независимо от классового статуса. Классическое решение было отвергнуто архитекторами либерализма, которые считали, что этот, казалось бы, постоянный политический раскол может быть преодолен с помощью достижений “новой науки о политике”... Либеральный страх перед демосом привел к политическому порядку, который в своей основе был нацелен на господство более прогрессивных элит над угрожающим демосом и на протяжении всей американской истории был впечатляюще эффективен в предотвращении возникновения подлинно популистской партии. Идеал “смешанного режима” или “смешанной конституции”... был заменен созданием новой и укоренившейся либеральной элиты, ориентированной на прогресс, которая сегодня все чаще рассматривает демос как угрозу своему проекту — как в экономическом, так и в социальном плане... <...> Поразительно, но сопротивление этой новой тирании в основном исходит от рабочего класса, особенно тех, чья работа, в отличие от “класса ноутбуков”, как правило, осязаема и материальна и кто склонен рассматривать мир не как неизменные стартовые площадки, а, скорее, как один из унаследованных домов. Это столкновение происходит не между двумя партиями либерализма, а между широкой

партией прогресса и широкой партией консерватизма. Партия прогресса — как партия, определяемая своей приверженностью правлению просвещенных элит против угроз, исходящих от “многих”, — сегодня стремится к прямому политическому, культурному, экономическому и социальному подавлению своей оппозиции. *С точки зрения зарождающейся партии консерватизма, ответ заключается не в устранении элиты (как когда-то представлял себе Маркс), а в ее замене лучшим набором элит* (курсив мой. — В.Г.). Наиболее необходимым является выравнивание элиты и народа, а не доминирование одного над другим. Для этого необходимо возрождение старой и забытой, но лучшей формы консерватизма — той, которая стремится к взаимному улучшению как элиты, так и народа» [6, р. 6–7, 49].

Развиваемая П. Дениным идея «нового исторического компромисса» между элитой и народом явно опровергает давний известный тезис Станли Кларка и Эвана Симпсона, согласно которому «перфекционистские и утопические чаяния не фигурируют в современном моральном консерватизме» [4, р. 16] (ср.: [23, р. 6]). Вместе с тем, как это ни парадоксально, на наших глазах формируется новая консервативная версия демократизации, которая, на наш взгляд, в будущем может оказаться вполне способной выдержать конкуренцию со многими, давно отдающими рутиной версиями, сложившимися в западной «транзитологии».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуторов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; ведущий научный сотрудник, ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (812) 363–60–00 доб. 6171. **Электронная почта:** gut–50@mail.ru.

Research Article

VLADIMIR A. GUTOROV^{1, 2}

¹ St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya emb., 199034, St. Petersburg, Russia;

² Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS

5, korpuz 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russia.

ON SOME CURRENT PROBLEMS OF ELITES INTERPRETATION IN MODERN POLITICAL THEORY¹

Abstract. The study of the phenomenon of political elites in political theory has many dimensions. In its modern form, the conceptual foundations for interpreting elites were formulated more than a century ago in the works of V. Pareto, G. Mosca and R. Michels, imbued with unprecedented realism and a desire to apply scientific methods to the study of politics. Elite analytics, which has evolved over the centuries under the influence of a wide variety of determining factors, has nevertheless always maintained a connection with classical paradigms that go back to the political philosophy of early modernity, which, in turn, was closely linked to the tradition of ancient political philosophy — from Pythagoras and the early sophists to Plato and Aristotle. In this regard, virtually all the latest interpretations, one way or another, include — spontaneously or deliberately — some “traditionalist” element. The initial premise is the obvious statement that all societies are governed by elites and each society has certain means of creating its elites. An analysis of the latter suggests the need to establish clear distinctions between societies that have mechanisms for creating elites and societies that do not create institutional conditions for their formation. In modern political science, the analysis of problems related to the political status and ambitions of elites is quite often carried out within the framework of the dichotomy “elite theory versus theory of democracy”. At the same time, democratic theory and elite theory in their current state cannot by definition be considered as purely scientific or “descriptive”, since at any stage of their evolution they organically included a number of elements characteristic of normative political theory. Many scholars openly acknowledge that the concept of the elite is fraught with problems, and the unpredictable nature of elite choice can become an obstacle to theoretical progress (D. Higley, M. Burton, etc.). Such conclusions in a certain sense correlate with some postulates of the “positive political theory”, which has been actively developing in Western political thought since the beginning of the 21st century. “Statistics of disputes” within the positive political theory indicate that in recent years one of its most sensitive “pain points” has become the “hypothesis of democratic peace”. The central assumption underlying this hypothesis is that liberal democracies have rarely or never fought each other: wars have occurred and can occur only between autocracies or between democracies and autocracies. Many of the controversies and theoretical doubts regarding the

¹ The work was carried out within the framework of the State Assignment of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2024 on the topic “Liberalism and Conservatism in the Political-Theoretical Dimension: Historical Tradition and Modern Evolutionary Trends” (Reg. number EGISU NIOKTR 124082300044–4) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

democratic peace hypothesis are largely due to the heated debate that unfolded around the works of the American political scientist J.L. Snyder, in which this hypothesis was subjected to uncompromising criticism. Snyder's main argument is that traditional autocratic elites, faced with a situation in which the spread of democracy begins to threaten their power, create "exclusionist" ethnic nationalist regimes. In order to protect their own interests, they provoke nationalist conflicts in a completely "rational" way. Snyder's analysis also has specific links with the so-called "minimalist concept of democracy." Its emergence is largely associated with the hypothesis substantiated in the mid-20th century by Kenneth Arrow. At the level of normative political theory, an attempt to overcome the above-mentioned philosophical problems and moral dilemmas is quite vividly presented in the works of Patrick Deneen, one of the most prominent representatives of modern American conservatism. The starting point of the discussion he initiated is the same concerns about the growth of "neo-oligarchic tendencies" in modern Western democracies. In Deneen's own "project", outlined only in general terms, elements of the classical political-philosophical concept of a "mixed constitution" are bizarrely combined with futurological forecasts marked by the striving for a "conservative synthesis".

Keywords: elites, political theory, democracy, oligarchy, autocracy, liberalism, conservatism, nationalism, ethnic conflicts.

For citation: Gutorov, V.A. On Some Current Problems of Elites Interpretation in Modern Political Theory. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 7–34. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.1>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Gutorov — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University; Leading Research Fellow, FCTAS RAS. **Phone:** +7 (812) 363–60–00 add 6171. **E-mail:** gut-50@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ball T. History and the Interpretation of Texts. *Handbook of Political Theory*. Ed. by G.F. Gaus, Ch. Kukathas. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2004. P. 18–30. <https://doi.org/10.4135/9781848608139.n2>
2. Brennan G., Lomasky L. Toward a Democratic Morality. *Democracy*. Ed. by D. Estlund. Malden, Massachusetts; Oxford: Blackwell Publishers, 2002. P. 237–266.
3. Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations. *International Review of Sociology*. 2001. Vol. 11. No. 2. P. 181–199. <https://doi.org/10.1080/713674040>

4. Clarke S.G., Simpson E. Introduction. *Anti-Theory in Ethics and Moral Conservatism*. Ed. by St.G. Clarke, E. Simpson. Albany: State University of New York Press, 1989. P. 1–28.
5. Deets S. Jack Snyder, From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. New York: W. W. Norton & Company, 2000. 320 pp. *Nationalities Papers*. 2001. Vol. 29. No. 2. P. 352–355. <https://doi.org/10.1017/S0090599200019760>
6. Deneen P.J. *Regime Change: Toward a Postliberal Future*. New York: Sentinel, 2023. 288 p.
7. Deneen P.J. *Why Liberalism Failed*. New Haven; London: Yale University Press, 2018. 225 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc5pcmt>
8. Estlund D.M. *Democratic Authority: A Philosophical Framework*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2007. 309 p.
9. Ferrara A. *The Democratic Horizon: Hyperpluralism and the Renewal of Political Liberalism*. New York: Cambridge University Press, 2014. 257 p.
10. Ferrara A., Ivkovic M., Lončar J., Prodanovic S., Simeunovic B. Liberalism between Politics and Epistemology: A Discussion of Alessandro Ferrara's The Democratic Horizon: Hyperpluralism and the Renewal of Political Liberalism. *Political Studies Review*. 2016. Vol. 15. No. 3. P. 1–23. <https://doi.org/10.1177/1478929916645359>
11. Field G.L., Higley J. *Elitism*. London; New York: Routledge, 2013. 149 p. <https://doi.org/10.4324/9780203070659>
12. Forbes H.D. Positive Political Theory. *Handbook of Political Theory*. Ed. by G.F. Gaus, Ch. Kukathas. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2004. P. 57–72. <https://doi.org/10.4135/9781848608139.n5>
13. Gaus G.F. *Contemporary Theories of Liberalism: Public Reason as a Post-Enlightenment*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2003. 240 p. <https://doi.org/10.4135/9781446218754>
14. Higley J. Democratic Elitism and Western Political Thought. *Comparative Sociology*. 2009. Vol. 8. No. 3. P. 440–458. <https://doi.org/10.1163/156913309X447611>
15. Higley J. Elite Trust and the Populist Threat to Stable Democracy. *American Behavioral Scientist*. 2020. Vol. 64. No. 9. P. 1211–1218. <https://doi.org/10.1177/0002764220941215>
16. Higley J. *The Endangered West: Myopic Elites and Fragile Social Orders in a Threatening World*. London; New York: Routledge, 2016. 228 p.
17. Higley J. *Western Elites and Societies in Twenty-First Century Politics: Avoiding Calamity*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2023. 99 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-52307-6>

18. Higley J., Best H. Democratic Elitism Reappraised. *Comparative Sociology*. 2009. Vol. 8. No. 3. P. 323–344. <https://doi.org/10.1163/156913309X447558>
19. Higley J., Burton M.G. The Elite Variable in Democratic Transitions and Break-downs (1989). *Historical Social Research*. 2012. Vol. 37. No. 1. P. 245–268. <https://doi.org/10.12759/hsr.37.2012.1.245-268>
20. Higley J., Pakulski J. Do Ruling Elites Degenerate? American and British Elites through Pareto's Lens. *Comparative Sociology*. 2011. Vol. 10. No. 6. P. 949–967. <https://doi.org/10.1163/156913311X607647>
21. Higley J., Pakulski J. Elite Transformation in Central and Eastern Europe. *Australian Journal of Political Science*. 1995. Vol. 30. No. 3. P. 415–435. <https://doi.org/10.1080/00323269508402348>
22. Higley J., Pakulski J. Revolution and Elite Transformation in Eastern Europe. *Australian Journal of Political Science*. 1992. Vol. 27. No. 1. P. 104–110. <https://doi.org/10.1080/00323269208402184>
23. *Keeping the Tablets: Modern American Conservative Thought*. Ed. by W.F. Buckley, Ch.R. Kesler. New York: Harper & Row Publishers, 1988. 469 p.
24. Mansfield E.D., Snyder J. *Electing to Fight: Why Emerging Democracies Go to War*. Cambridge, Massachusetts; London: MIT Press, 2005. 300 p. <https://doi.org/10.7551/mitpress/2660.001.0001>
25. *Political Elites in the Transatlantic Crisis*. Ed. by H. Best, J. Higley. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 188 p. <https://doi.org/10.1057/9781137345752>
26. Snyder J. *From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict*. New York: W. W. Norton & Company, 2000. 320 p.
27. Snyder J. *Human Rights for Pragmatists: Social Power in Modern Times*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2022. 310 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv25c4zgx>
28. Suleiman E.N. *Elites in French Society: The Politics of Survival*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1978. 299 p.
29. Talisse R.B. Democracy. *The Routledge Companion to Social and Political Philosophy*. Ed. by G.F. Gaus, F. D'Agostino. New York; London: Routledge, 2012. P. 608–617.
30. *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. 698 p. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7>
31. Volpe G. *Italian Elitism and the Reshaping of Democracy in the United States*. London; New York: Routledge, 2021. 194 p.
32. Whelan F.G. *Hume and Machiavelli: Political Realism and Liberal Thought*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: Lexington Books, 2004. 416 p.

РОССИЙСКИЕ ЭЛИТЫ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.2>.

EDN: NYBHDJ

ПОКАТОВ Д.В.¹

¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ФАКТОРЫ И ВЕКТОРЫ СОВРЕМЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. Рассматривается достаточно актуальная сегодня проблема личностного и профессионального потенциала одной из ведущих страт современного общества — политической элиты. Именно он и должен формировать облик самой элитной личности, отличающий ее от других социальных субъектов, как отдельных личностей, так и групп. В появившихся в последнее годы исследованиях большее внимание обращается на психологические и аксиологические особенности базовых черт и структуры личностного либо профессионального потенциала, выявляются особенности их проявления в различных социальных группах, в том числе у государственных служащих. В рамках настоящего исследования автор останавливается прежде всего на особенностях профессионально-личностного потенциала элиты. Именно он, а не личностно-профессиональный потенциал определяет базовую специфику современной элиты России, где доминирующими остаются факторы мобилизационного развития с превалированием политико-статусной составляющей. Реализуя поставленные цели, автор уделяет внимание анализу как объективных (цивилизационного и регионального плана), так и субъективно-личностных факторов (в том числе влияния процессов

социализации, поколенческих, демографических, образовательных, карьерных траекторий). Их рассмотрение (вместе с контент-анализом биографий 671 представителя федеральной и 165 региональной элитных групп (на примере типичной по 26 экономическим показателям Саратовской и столь же типичной для Среднего Поволжья Волгоградской областей) позволило сделать вывод о формировании особого гибридного типа именно профессионально-личностного потенциала, в котором на первые позиции выходят формально-позиционные характеристики, подавляющие (но при этом в ряде случаев не исключающие) характеристики креативно-личного плана.

Ключевые слова: элита, политическая элита, профессионально-личностный потенциал, социальные детерминанты, эволюция.

Для цитирования: Покатов Д.В. Профессионально-личностный потенциал отечественной политической элиты: факторы и векторы современных изменений // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 2. С. 35–52. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.2>. EDN: NYBHDJ.

ВВЕДЕНИЕ. ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА

В последние годы среди представителей различных школ и направлений социального и гуманитарного знания по-прежнему не ослабевает интерес к изучению элиты как особой социальной общности, объединяющей представителей различных социальных слоев, владеющих знанием политических проблем, профессионально участвующих в политической деятельности и обладающих соответствующими ресурсами для воздействия на общество. Среди целого ряда проблем многогранной элитной проблематики достаточно важной и далекой до своего разрешения остается проблема личностного и профессионального потенциала политической элиты, который должен формировать облик самой элитной личности и отличать ее от других социальных субъектов, как отдельных личностей, так и групп. От его реального состояния, а значит от облика самой элиты, без сомнения, зависит не только деятельность самой элиты, но и особенности общественного развития. В разные годы отдельные

аспекты данной темы были представлены в работах как западных (Г. Моска [11], Ч.Р. Миллс [10], J. Scott [21], G. Endruweit [19], Holmkvist M. [20] и др.), так и отечественных исследователей (О.В. Гаман-Голутвина [2], А.В. Понеделков, В.Г. Игнатов, А.А. Деркач [16], Ю.В. Синягин, Е.В. Селезнева [17], Н.Б. Карабущенко [6], В.А. Гупоров [4], А.Е. Чирикова [18] и др.) Однако, несмотря на это, многие вопросы еще требуют своего более углубленного рассмотрения. Это в полной мере относится к социальным детерминантам и факторам эволюции профессионально-личностного потенциала и к определению самой сущности как потенциала, так и самих элитных личностей, что тем более важно, так как в целом ряде работ рассмотрение личностного и профессионального потенциала и его структуры ведется с психологических, философских, аксиологических позиций. Так, в работе В.Н. Маркова профессионально-личностный потенциал управленца определяется как часть личностного потенциала, которая направлена на реализацию ресурсов личности в рамках избранной профессии [9, с. 150]. В представлении В.А. Мальцева личность государственного служащего характеризуется специфическими социально-психологическими, индивидуально-личностными сущностными чертами и представляет собой органическое единство рациональности, духовности, чувственности [8, с. 48]. Среди общих определений потенциала можно отметить также трактовку К.С. Кальбиной, отмечавшей, что личностный потенциал — это особая система, объединяющая в себе несколько составляющих, в том числе психофизиологическую, трудовую и творческую. При этом в структуре личностного потенциала ученый выделяет следующие его основные составляющие: самоактуализацию, самореализацию, самодетерминацию, устойчивость, саморегуляцию, жизнестойкость, адаптивность и целеустремленность [5, с. 3]. Применительно к прослойке государственных служащих говорят об особенностях лично-профессионального потенциала Ю.В. Синягин и Е.В. Селезнева, отмечавшие, что его сущность формируется в самоуправляемой системе внутренних возобновляемых ресурсов личности, проявляющихся в ее деятельности с целью достижения намеченных результатов и целей [17, с. 100].

Если в представленных выше работах больший упор делается на психологических и аксиологических составляющих либо профессио-

нального потенциала личности, либо потенциала государственного служащего, то в работах Н.Б. Карабущенко, а также Л.Д. Гудкова., Б.В. Дубина и Ю.А. Левады делается попытка определить базовые характерные черты именно элитной личности и ее потенциала. Базовые социально-психологические характеристики элитной и элитарной личностей на основе таких критериев, как творческий, профессиональный, индивидуально-личностный и эмоционально-волевой, выделила и проанализировала Н.Б. Карабущенко [6, с. 58]. Если в работе Н.Б. Карабущенко дается социально-психологический сравнительный анализ элитных и элитарных личностей, то попытку интегральной характеристики предпринимают в своей монографии Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин и Ю.А. Левада, отмечавшие что при анализе базовых показателей элиты необходимо учитывать статусные характеристики (занимаемые элитой в обществе позиции), функциональные черты (образцовое выполнение функций), коммуникативные показатели (выражающиеся в том числе в поддержании посредством определенных моделей поведения солидарности) [3, с. 29]. Применительно к политической элите, как отмечал один из крупных американских социологов Ч.Р. Миллс, одним из важных проявлений профессионализма и профессионального потенциала является то, что элитные представители действуют в политической сфере, где они прошли школу партийно-политической работы или чиновно-бюрократической службы в государственном аппарате и приобрели необходимы компетенции [10, с. 312].

Исходя из степени разработанности проблемы, целью настоящего исследования является рассмотрение сущности, особенностей профессионально-личностного потенциала современной отечественной политической элиты, и характеристика базовых факторов и векторов его эволюции. Данная цель может быть достигнута посредством анализа базовых составляющих профессионально-личностного потенциала и факторов, определяющих его изменение на уровне федеральной политической элиты и политической элиты двух типичных для России регионов Среднего Поволжья (Саратовской и Волгоградской областей).

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ПОНЯТИЕ, БАЗОВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ, ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЙ

Подводя некоторый итог сказанному выше, мы рассмотрим профессионально-личностный потенциал как интегрированную совокупность перспективных личностных показателей (в том числе организаторских способностей, навыков творческого мышления, предрасположенности к выполнению лидерских функций, действиям в условиях социальной энтропии), а также важнейших профессиональных показателей (в том числе уровень и направленность профессионального образования, наличие политического и административного опыта, соответствие основных положений разрабатываемой элитой управленческой парадигмы запросам и потребностям основных социальных слоев и групп общества).

Следует отметить, что в статье говорится именно о профессионально-личностном потенциале, но не о личностно-профессиональном в силу того, что объективные социальные детерминанты выдвигают на первые позиции в нашем обществе именно показатели политико-статусного плана. По сути, формирование профессионально-личностного потенциала отечественной политической элиты проходило в нашей стране под влиянием как всеобщих цивилизационных факторов, обусловленных конкретно-историческими условиями развития всего общества и региональной спецификой, так и некоторыми субъективными детерминантами (процессом социализации элитных личностей, поколенческими трендами, полученным образованием, особенностями приобретенного политического опыта и карьерными стратегиями и т.д.).

Относительно факторов цивилизационного развития можно согласиться с теми исследователями, которые отмечают влияние мобилизационного типа развития нашего общества, при котором на первые позиции выступали доминирующее влияние политических институтов, слабость структур гражданского общества, тенденции к централизации общественно-политической жизни. В этих условиях не всегда возможными были открытые, более самостоятельные формы проявлений и генезиса личностного потенциала элиты. Как спра-

ведливо отмечает А.В. Понеделков, в западных более открытых в прежние периоды общественных системах, элита отличается определенным креативным потенциалом, в определенной мере подготовленностью к политико-управленческой деятельности. В России, где долгие годы господствовал мобилизационный, по определению А.Г. Фонотова, тип общественного развития с характерными для него доминированием политических институтов, слабостью гражданского общества, формировался закрытый и интолерантный характер общественного развития, сохранялась тенденция к доминированию не личностных, а в большей мере статусных показателей. По сути, действие данных всеобщих цивилизационных факторов способствовало проявлению такой отличительной особенности современной политической элиты, как амбивалентность, во многом предопределяемой сегодня дихотомией между объективными процессами трансформации современного общества с присущими ему изменениями принципов и форм подбора элитных кадров, проявляющуюся в настоящее время большей открытостью, а также ограничениями, связанными с особенностями социализации элитных групп, их поколенческой принадлежностью, установками и усиливающимся процессом архаизации отечественного социума.

ОСОБЕННОСТИ И БАЗОВЫЕ ВЕКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Для более полной характеристики данных процессов автором проведен контент-анализ биографий 671 представителя федеральной и 165 региональной элитных групп (на примере типичной по 26 экономическим показателям Саратовской области и столь же типичной для Среднего Поволжья Волгоградской области). При этом анализировались биографии как руководителей федеральных и региональных органов исполнительной, законодательной, судебной власти, так и лидеров ведущих политических партий.

Проведенный анализ показывает, что в составе элиты заметна тенденция к некоторому «омоложению», что подтверждается и другими исследованиями (см., например: [12, с. 151]). При этом в 2020 г. увели-

чение доли представителей элиты в возрасте до 40 лет произошло в Правительстве России [12, с. 151]. Однако после выборов 2024 г. и формирования нового состава российского правительства средний возраст министров составляет 60 лет. Возраст руководящего состава Администрации Президента РФ снизился с 56,8 (в 2021 г.) до 52 лет. В Совете Федерации представлены политики, средний возраст которых составляет сегодня 57 лет, в Государственной Думе России — 54,4 года. В целом средний возраст элиты — 55 лет¹.

Фактически можно говорить о том, что ситуация вернулась к началу 1990-х гг., когда средний возраст элиты был также 55–56 лет. При этом значительные позиции в политической элите занимают представители послевоенного поколения (1940-х гг.) — 23,7 % и элиты эпохи оттепели (1950–1960-е гг.) — 36,37 %², что, конечно, не могло не сказаться на особенностях ценностных приоритетов и процессах функционирования элиты. К этому, несомненно, добавляются и особенности социализации элитных деятелей. В целом прошли те времена, когда социализация многих бывших номенклатурных работников проходила в условиях сельской местности, однако по результатам проведенного автором анализа биографий видно, что доля выходцев из села в составе федеральной элиты — 31,72 %, из города — 66 %. В составе региональных элитных групп этот показатель варьируется от 30 до 60 %. При этом в Саратовской области в элите сегодня 32,4 % выходцев из села, в Волгоградской — 19,4 %³. Свой-

¹ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Правительство России. URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 25.06.2024); Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2024); Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2024).

² Там же.

³ Подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий: Правительство Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 28.06.2024); Саратовская областная дума. URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 28.06.2024); Волгоградская областная дума. URL: <https://volgoduma.ru/> (дата обращения: 28.06.2024); Волгоградская область. URL: <https://www.volgograd.ru/> (дата обращения: 28.06.2024).

ственная представителям некоторых групп, в частности выходцам из сельской местности, большая предрасположенность к выдвиганию выходцев из близкой им социальной среды, некоторый консерватизм установок и ценностей, несомненно, влияет и на основы выдвигания в элитные группы новых кандидатов.

Достаточно важными показателями профессионально-личностного потенциала, взаимосвязанными с некоторыми из проанализированных показателей, является и характер полученного образования и опыт политической и управленческой деятельности. Проведенное исследование показало, что по-прежнему доминирующим остается доля лиц в элите, получивших техническое образование. В составе современной федеральной элиты политики-технократы составляют 41,7 %, 18,9 % представителей современной элиты имеют экономическое образование, 18,3 % — юридическое, 17,4 % — гуманитарное¹. На региональном уровне также сохраняется данная тенденция. В частности, в элите Саратовской области сегодня насчитывается 50,6 % лиц, получивших техническое образование, 14,2 % — гуманитарное, 18 % — экономическое, и 14,2 % — юридическое. В Волгоградской области — соответственно 54,1, 12,5, 33,3, 13,8 %². Данные показатели отличаются от аналогичных периода 2017 г., когда в Саратовской области в элите было 49 % политиков, получивших техническое образование, 16,3 % — гуманитарное, 17,2 % — экономическое, 9 % — юридическое. В Волгоградской области — соответственно 60, 11, 15,7, 13,8 %.

¹ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Правительство России. URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 25.06.2024); Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2024); Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2024).

² Подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий: Правительство Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 28.06.2024); Саратовская областная дума. URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 28.06.2024); Волгоградская областная дума. URL: <https://volgoduma.ru/> (дата обращения: 28.06.2024); Волгоградская область. URL: <https://www.volgohrad.ru/> (дата обращения: 28.06.2024).

Говоря об особенностях образовательной подготовки отечественных элитных деятелей, необходимо отметить ее отличие от западных аналогов. Известно, что в ряде западных стран создавалась изначально система закрытых, во многом привилегированных учебных заведений с особой программой подготовки элиты, в ходе которой представители элиты приобретали не только важные профессиональные и образовательные характеристики, но и особый элитный этос. Как отмечал в своих исследованиях М. Хартман, в частности, во Франции складывалась особая система рекрутирования элиты, для которой была характерна ее концентрированность на базе образовательной подготовки в определенном учебном заведении. Но здесь, как думается, не стоит переоценивать возможности данной системы образования, так как на современном этапе она также существенно эволюционировала и может производить весьма посредственных личностей. В российском обществе такого рода учебных заведений не было создано. Проведенное исследование показало, что многие представители элиты (15 %) закончили провинциальные вузы. 6,44 % элитных представителей — различные факультеты и институты Московского государственного университета им. М. Ломоносова. При этом лидирует экономический факультет (1,16 %). Далее позиции разделили исторический, юридический факультеты и факультет журналистики (0,72 %). На втором месте — Санкт-Петербургский университет — 2,77 % политиков, и затем — МГИМО (2,48 %), Томский государственный (1,02 %), Уральский и Алтайский университеты (по 0,877 % соответственно)¹. Несмотря на то что в последние годы многие из столичных и даже региональных вузов входили в рейтинг ведущих западных вузов, сказать, что они являлись специально созданными для подготовки элитных кадров, нельзя. Кроме того (и здесь можно согласиться с Л.Я. Подвойским), несмотря на достаточно высокий уровень, современное образование

¹ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Правительство России. URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 25.06.2024); Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2024); Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2024).

чаще всего сугубо теоретическое, либо научно-техническое, предельно рационализированное и вербализованное. Из него, по сути, выхолощен эффективно-эмоциональный запас детства, что приводит к распространению в обществе профессионально компетентных, но во многом бездуховных личностей [14, с. 105]. По сути, характеру современного образования элитных личностей соответствует и состав самой элиты, предопределяющий направления и специфику ее функционирования и соответствие базовых карьерных траекторий.

По-прежнему доминирующими прослойками в составе элиты являются хозяйственники (руководители как государственных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, так и негосударственных акционерных, совместных и частных предприятий). Их доля в составе современной федеральной элиты 38,5 %. Хотя некоторая тенденция к омоложению состава элиты и привела к сокращению данной прослойки, однако она все еще значительна, особенно на региональном уровне. Так, в составе политической элиты Саратовской области хозяйственников насчитывается сегодня 35,38 % (ранее, в 2017 г. было 42,6 %), в Волгоградской области — 38,8 % (в 2017 — 51,8 %). Достаточно значительной (15,2 %) остается корпоративная прослойка, представленная когортами армейского истеблишмента, руководством ФСБ, правоохранительных органов и руководителей ОПК. Несколько новыми тенденциями является возвращение в элиту и увеличение различных прослоек интеллектуальных кругов. В федеральной элите они насчитывают 33 %. На региональном уровне в составе политической элиты Саратовской области к данной прослойке относится в настоящий момент 38,45 %, в Волгоградской области сегодня к данному слою принадлежит 19,4 % политических деятелей¹. Данный процесс, на наш взгляд, во многом связан не только с востребованностью вновь некоторых проектов, презентуемых ее представителями,

¹ Подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий: Правительство Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 28.06.2024); Саратовская областная дума. URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 28.06.2024); Волгоградская областная дума. URL: <https://volgoduma.ru/> (дата обращения: 28.06.2024); Волгоградская область. URL: <https://www.volgograd.ru/> (дата обращения: 28.06.2024).

но и приобретением различными прослойками интеллигенции новых связей, и большей заинтересованностью с ее стороны в поддержке своих интересов и планов. Но переоценивать данный факт не стоит, так как в составе данной группы объединены формально-технократический слой, далекий от описанной в работах Дж. Гэлбрейта техноструктуры, и деидеологизированные эксперты, чьи идеи и проекты во многом отвечают запросам высших элитных кругов и которые, по существу, воспроизводят необходимые правящим элитным группам управленческие идеи и практики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во многом преобладание политиков-технократов и когорт хозяйственников, ряд из которых является и политиками «новой волны», приводит и к определенным стандартам деятельности современной элиты. Как известно, технократизм страдает определенной логикой схематизации действительности, отсутствием быстрого реагирования, стремлением действовать по уже установленным принципам. Исходя из этого, такие элитные деятели лучше себя чувствуют в условиях стабильного общественного развития, чем в эпоху кардинальных перемен. В управленческих практиках таких политиков происходит закрепление следующих принципов: позитивистское видение ряда проблем (далекое от социально ориентированного восприятия реальности); наивный натурализм в виде простого механицизма (уверенности в простоте и управляемости всех общественных процессов); упрощение и реальности, и методов решения проблем; игнорирование мыслей, чувств и потребностей индивидов; постоянный интерес к валовым показателям и некоторое идейно-политическое дистанцирование от какого-либо выражения политико-управленческой позиции [1, с. 19–20].

В межличностном плане и при проведении рекрутинга в состав элиты такие представители элиты больше являются экстравертами с высоким уровнем доминирования и прагматизма, более склонными при отборе элитных кадров к учету статусных, но не лидерских личностных показателей. Так, проведенное А.Е. Чириковой исследование на примере малых городов России показало, что на уровне региона большее доверие представители правящей элиты высказывали таким чер-

там профессионально-элитного потенциала, как исполнительность, в то время как политики местного уровня выделяли, наряду с исполнительскими качествами, также лидерские показатели [18, с. 171–172, 177].

Достаточно типичными для хозяйственников технократов, отнесенных Ч.Р. Миллсом к прослойкам аутсайдеров, лиц, не имеющих специального образования, чей профессиональный политический путь более связан с административными должностями, становятся и карьерные траектории. При этом сам Ч.Р. Миллс подчеркивал в своем труде «Властвующая элита», что карьера политических аутсайдеров зачастую не связана с постепенным продвижением по властной лестнице, так как целый ряд представителей элиты кооптированы в ее состав людьми, уже занявшими высокие статусные позиции [10, с. 323]. Это вполне типично и для современной отечественной элиты, в которой карьерные траектории во многом связаны со статусными позициями в системе власти, при этом они не являются продвижением внутри определенных политико-правовых институтов, а связаны более с межинституциональными переходами. В этой связи преобладает так называемый лиминальный (переходный) тип политических карьер, связанный со скачкообразными перемещениями. Это характерно для 47,6 % представителей современной федеральной элиты. В Саратовской области это проявляется у 67 % элитных деятелей, в Волгоградской — у 56,7 %. При этом в большей степени это были переходы из сферы руководства предприятиями или организациями промышленного и сельскохозяйственного профилей в структуры исполнительной власти и затем — в региональные парламенты (9,5 %) либо из сферы науки и культуры в региональные парламенты (9,5 %). Как правило, переход в данные структуры был связан с уже устоявшимися правилами чиновничества, большим доверием к лицам, показавшим черты исполнительности и умения встраиваться в данные институты. Это тем более характерно для лиц с традиционным типом карьеры, у которых не было резких переходов из одной сферы деятельности в другую, а также для тех, кто в рамках одних политических институтов либо общественно-политических организаций постепенно совершал политическое восхождение (13,7 % в Саратовской области и 8,3 % — в Волгоградской). Прежде всего

на уровне региона это проявлялось в структурах исполнительной власти, где в большей степени доверие получали политические деятели с ярко выраженными организаторскими способностями и приоритетом исполнительных черт перед креативно-личностными¹. В большей степени креативно-личностный потенциал был выражен у представителей интеллигенции, а также у политиков, чья карьера в большей степени была связана с общественно-политическими объединениями. Но их представительство было значительно меньше. Так, в Саратовской области в рамках переходного типа карьеры только 9,5 % представителей интеллигенции попадало в депутатский корпус, проявляя неординарные личностные характеристики, и столько же приходило вначале в корпоративные структуры, а затем в депутатский корпус. В Волгоградской области — 9,7 и 4,16 %. Меньше были представлены карьерные векторы, связанные с политическими партиями и общественно-политическими движениями, в которых не было приоритета формально-статусных характеристик, и более были выражены креативно-личностные показатели. Так, в Саратовской области более 10 лет в рамках политических партий и объединений проработали 2,5 % политических деятелей, в Волгоградской — 2,7 %.

В целом, рассматривая профессионально-личностный потенциал элиты и особенности карьерных траекторий, нельзя не учитывать и поколенческий фактор, о котором говорилось выше. Достаточно видные позиции, занимаемые в элите представителями послевоенного поколения (1940-х гг.) и элиты эпохи оттепели (1950–1960-е гг.), чья социализация проходила в основном в условиях существования СССР с установившимися тогда стандартами политического ритуала и поведения, когда мало учитывались личностные показатели креативного плана, конечно, не могло не отразиться на понимании ими новых

¹ Подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий: Правительство Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 28.06.2024); Саратовская областная дума. URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 28.06.2024); Волгоградская областная дума. URL: <https://volgoduma.ru/> (дата обращения: 28.06.2024); Волгоградская область. URL: <https://www.volgograd.ru/> (дата обращения: 28.06.2024).

принципов элитобразования, когда предпочтения отдается все же (и это подтверждают и другие исследования) выходцам с определенных набором статусных характеристик и лишь потом креативно-личностным показателям.

Подводя итог, можно говорить о том, что под влиянием ряда факторов и детерминант как объектно-исторического, так и субъективно-личностного плана в современном российском обществе постепенно закрепляется особый гибридный тип именно профессионально-личностного потенциала, в котором на первые позиции выходят формально-позиционные характеристики, которые несколько подавляют (но при этом в ряде случаев не исключают) характеристики креативно-личного плана.

Изменить его может, на наш взгляд, только глубинная трансформация форм и направленности процесса социализации элитных личностей, системы их образовательной подготовки, рекрутинга, а также более динамичный процесс смены поколений и сегментов самого гражданского общества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Покатов Дмитрий Валериевич, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, доктор социологических наук, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии. **Телефон** 8(909)3352994. **Электронная почта:** dvpokatov@gmail.com,

Research Article

DMITRY V. POKATOV¹

¹ Saratov State University

410012, Saratov, Astrakhanskaya street, 83.

PROFESSIONAL-PERSONAL POTENTIAL OF THE DOMESTIC POLITICAL ELITE: FACTORS AND VECTORS OF CONTEMPORARY CHANGES

Abstract. The article discusses the relevant problem of the personal and professional potential of one of the leading strata of modern society — the political elite. It is precisely this potential that should shape the image of the elite personality itself, distinguishing it from other social subjects, both individuals and groups. In recent years, research has paid more attention to the psychological and axiological

features of the basic traits and structure of personal or professional potential. The specifics of their manifestation in various social groups, including public servants, are being studied. This study focuses primarily on the features of the professional and personal potential of the elite. It determines the basic specificity of the modern Russian elite, where mobilization factors with the dominance of the political and status components predominate. In achieving the goals set, the author pays attention to the analysis of both objective factors (civilizational and regional), and subjective-personal factors (including the influence of socialization processes, generational, demographic, educational, and career trajectories). Their consideration (along with the content analysis of the biographies of 671 representatives of the federal and 165 regional elite groups (using the example of a typical 26 economic indicators of the Saratov region and equally typical indicators of the Middle Volga region of the Volgograd region) allowed the conclusion about the formation of a special hybrid type of professional and personal potential. It is characterized by formal-position characteristics, which somewhat suppress (but, in some cases, do not exclude) creative-personal characteristics.

Keywords: elite, political elite, professional and personal potential, social determinants, evolution.

For citation: Pokatov D.V. Professional-personal potential of the domestic political elite: factors and vectors of contemporary changes. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 35–52. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.2>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy V. Pokatov — Saratov State University, Doctor of Sociology, head of the department of History, theory and applied sociology. **Phone:** 8(909)3352994. **E-mail:** dvpokatov@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Беляев В.А. Интеллигенция как субъект российского политического процесса: федеральный и региональный аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Казанский гос. тех. ун-т им. А.Н. Туполева, 2007. 41 с.
Belyaev V. A. *Intelligenciya kak sub"ekt rossijskogo politicheskogo processa: federal'nyj i regional'nyj aspekty: Avtoref. dis. ... doct. polit. n.: 23.00.02.* [The intelligentsia as a subject of the Russian political process: federal and regional aspects: Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences: 23.00.02.] Kazan: Kazanskiy gosudarstvennyj tehničeskij universitet imeni A.N. Tupoleva publ., 2007. 41 p. (In Russ.)
2. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

- Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskiye elity Rossii: Vekhi istoricheskoy evolyutsii*. [Political elites of Russia: milestones of historical evolution.] Moscow: ROSSPEN publ., 2006. 448 p. (In Russ.)
3. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд либеральная миссия, 2007. 372 с.
Gudkov L.D. Dubin B.V., Levada Yu.A. Problema «elity» v segodnyashnej Rossii. Razmyshleniya nad rezul'tatami sociologicheskogo issledovaniya. [The problem of the “elite” in today’s Russia. Reflections on the results of sociological research]. Moscow: Liberal Mission Foundation, 2007. 372 p. (In Russ.).
 4. Гуторов В.А. Элиты и образование: опыт политико-теоретического анализа // Власть и элиты. 2018. Т. 5. С.461–484. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.17>. EDN: YTSRHF.
Gutorov V.A. Elites and education: experience of political-theoretical analysis. *Vlast' i elity*. 2018. Vol. 5. P. 461–484. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.17>. (In Russ.)
 5. Кальбина К.С. Личностный потенциал как фактор профессиональной успешности // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2022. № 2 (92). С. 21–23. <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/13044>. EDN: LTMBCF.
Kalbina K.S. Personal potential as a factor of professional success. *Universum: psihologiya i obrazovanie : elektron. nauchn. zhurn*. 2022. No. 2(92). P. 21–23. URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/13044> (In Russ.)
 6. Карабущенко Н.Б. Психологические основы формирования элит в вузе // Образовательные технологии. 2014. № 1. С. 56–70. EDN: RYJLPX.
Karabushchenko N.B. Psychological foundations of elite formation in higher education institutions. *Obrazovatel'nye tekhnologii*. 2014. No. 1. P. 56–70. (In Russ.).
 7. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров-М, 2005. 384 с.
Kryshtanovskaya O.V. *Anatomiya rossijskoj elity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov-M, 2005. 384 p. (In Russ.).
 8. Мальцев В.А. Государственный служащий современного типа // Кадровик. 2011. № 2. С. 45–58.
Maltsev V.A. Civil servant of the modern type. *Kadrovik*. 2011. No. 2. P. 45–58. (In Russ.)
 9. Марков В.Н. Личностно-профессиональный потенциал государственных служащих в условиях российского региона: автореферат дис. ...д-ра пси-

- хол. наук. 19.00.13. Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2004. 53 с.
- Markov V.N. *Lichnostno-professional'nyj potencial gosudarstvennyh sluzhashchih v usloviyah rossijskogo regiona: Atoref. dis. ...d-ra psihol. n.: 19.00.13.* [Personal and professional potential of civil servants in the conditions of the Russian region: Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Psychological Sciences]. Rossijskaja akademija gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii publ., 2004. 53 p. (In Russ.)
10. Миллс Ч.Р. Властвующая элита / пер. с англ. Е.И. Розенталь. М.: Издательство политической литературы, 1959. 543 с.
- Mills C.R. The ruling elite [Russ. ed.: *Vlastvuyushchaya elita*. Transl. from Eng. by E.I. Rozental'. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1959. 543 p.]
11. Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли: в 5 т. / пер. с англ. Т.Н. Самсоновой. М.: Мысль, 1997. Т. II. С. 117–134.
- Moska G. The Ruling class. Transl. from Eng. by T.N. Samsonova. Moska G. *Antologija mirovoj politicheskoy mysli: v 5 t.* [Anthology of world political thought: in 5 volumes]. Moscow: Mysl' publ., 1997. Vol. II. P. 117–134. (In Russ.).
12. Палитай И.С. Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011–2021 гг.) // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 148–160. <https://doi.org/10.17976/2022.04.12>. EDN: ТХОУМJ.
- Palitay I.S. The Russian political elite: characteristics and dynamics (based on research materials dating from 2011 to 2021). *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2022. No. 4. P. 148–160. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.12> (In Russ.).
13. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
- Pareto V. Compendium on general sociology *Kompendium po obshchej sociologii* [Russ. ed.: *Kompendium po obshchej sociologii*. Transl. from Ital. by A.A. Zotov. Moscow: Publishing House of the State University Higher School of Economics, 2008. 511 p.]
14. Подвойский Л.Я. Современное элитарное и массовое образование: вызовы XXI века // Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете: материалы Международного конгресса. 19–22 апреля 2017 г. / сост. П.Л. Карабущенко; ред. А.П. Лунев, П.Л. Карабущенко. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2017. С. 104–107.
- Podvoisky L.Ya. Modern elite and mass education: challenges of the 21st century. *Elity i lidery: strategii formirovaniya v sovremennom universitete : mate-*

- rialy Mezhdunarodnogo kongressa. 19–22 aprelya 2017 g.* [Elites and leaders: formation strategies in the modern university: materials of the International Congress. April 19–22, 2017]. Comp. by P.L. Karabushchenko; Ed. by A.P. Luneva, P.L. Karabushchenko. Astrakhan: Astrahanskij gosudarstvennyj universitet, 2017. P. 104–107. (In Russ.).
15. Понеделков А.В. Политическая наука в элитологическом измерении. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2010. 512 с.
Ponedelkov A.V. *Politicheskaya nauka v elitologicheskom izmerenii*. [Political science in the elitist dimension]. Rostov-na-Donu: Severo-Kavkazskaja akademija gosudarstvennoj sluzhby publ., 2010. 512 p. (In Russ.)
 16. Профессионализм административно-политических элит (философско-социологический и акмеологический подходы: монография [Игнатов В.Г., Деркач А.А., Понеделков А.В. и др.]. Ростов н/Д.: Изд-во Севк.-Кавк. акад. гос. службы, 2002. 424 с.
Professionalizm administrativno-politicheskikh elit (filosofsko-sociologicheskij i akmeologicheskij podhody: monografiya [Professionalism of administrative-political elites (philosophical-sociological and acmeological approaches: monograph]. [Ignatov V.G., Derkach A.A., Ponedelkov A.V., etc.]. Rostov n/D.: Izd-vo Sevk. -Caucasian Academician of State Service, 2002. 424 p. (In Russ.)
 17. Синягин Ю.В., Селезнева Е.В. Взаимосвязь эффективности деятельности руководителей на государственной гражданской службе и их личностно-профессионального потенциала // Вопросы управления. 2016. № 4 (41). С. 98–105. EDN: XHYFCX.
Sinyagin Yu.V., Selezneva E.V. The relationship between the effectiveness of the activities of leaders in the civil service and their personal and professional potential. *Voprosy upravleniya*. 2016. No. 4 (41). P. 98–105. (In Russ.).
 18. Чирикова А.Е. Критерии отбора глав муниципалитетов: формальные предписания и практики // Власть и элиты. 2022. Т.9. № 1. С. 164–196. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.6>. EDN: ELCECC.
Chirikova A. Criteria for the selection of heads of municipalities: formal prescriptions and real practices. *Vlast' i elity*. 2022. Vol. 9. No. 1. P. 164–196 (in Russ.). <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.6>. (In Russ.)
 19. Endruweit G. Elite und Entwicklung: Theorie und Empirie zum Einfluß von Eliten auf Entwicklungsprozesse. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1986. 312 p.
 20. Holmkvist M. Consecration and meritocracy in elite business schools: The case of a Swedish student union. *British journal of Sociology*. 2023. Vol. 74. No. 4. P. 531–546. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.13026>
 21. Scott J. Introduction. *The Sociology of Elites. Vol.1. The Study of Elites*. Ed. by J. Scott. Aldershot; Brookfield: Edward Elgar Publ., 1990. P. VIII–XIV.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.3>.

EDN: NYRURK

В.В. САФРОНОВ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

СОЦИАЛЬНОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 2021 Г.

Аннотация. Исследования в Западной, Центральной и Восточной Европе показывают, что участие в парламентских выборах структурировано по демографическим и социально-структурным основаниям — отчетливо растет с возрастом и при повышении социально-экономического статуса, отражая различия в политической подготовленности избирателей, мотивации и возможностях их мобилизации. Обсуждаются демографические и социально-структурные неравенства участия в выборах Государственной Думы 17–19 сентября 2021 г. Для выявления таких неравенств осуществлялся логистический регрессионный анализ данных репрезентативного российского опроса, выполненного по программе ISSP в 2022 г. Результаты свидетельствуют, что электоральное участие на этих выборах тесно связано с возрастом: среди младших избирателей преобладали абсентеисты, тогда как большинство старших в голосовании участвовали. Такая зависимость, как было нами установлено ранее, возникает вследствие постепенного повышения с возрастом интереса к политике и партийной идентификации и отчасти может указывать на отношения клиентелы между властью и пожилыми людьми, получившими накануне выборов заметные денежные выплаты. В согласии с теорией «ресурсы — мотивация — мобилизация» высокое образование и доходы также способствуют электоральной активности, с ней сопря-

жены и трудовая занятость, членство в профессиональных союзах, посещение религиозных служб. Кроме того, результаты подкрепляют теоретические предположения о принудительном голосовании зависимого от властей населения: работники государственного сектора экономики, особенно младших и средних возрастов, делают это заметно чаще, чем занятые в частных фирмах или вовсе не работающие. Правда, не удалось обнаружить различий между городским и сельским населением, хотя считается, что на последнее властям также легче воздействовать. Региональные сопоставления добавляют уверенности, что самые высокие официальные показатели явки в республиках Северного Кавказа, которые по опросным материалам оказываются, напротив, самыми низкими, появляются вследствие массовых махинаций со стороны их руководства.

Ключевые слова: выборы Государственной Думы 2021 г., неравенства участия в голосовании, демографические и социально-структурные различия, Международная программа социальных исследований (ISSP 2021), Россия.

Для цитирования: Сафронов В.В. Социальное структурирование участия в выборах Государственной Думы 2021 г. // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 2. С. 53–73. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.3>. EDN: NYRURK.

ВВЕДЕНИЕ

В кратком обзоре Исследовательской службы Европейского парламента (EPRS, European Parliamentary Research Service), опубликованном накануне выборов в Государственную Думу РФ (ГД) 2021 г., отмечается, что эти выборы и волна предшествовавших им репрессий могут считаться «последней стадией в переходе России от искаженной демократии к полноценному авторитарному государству» [11].

Общие итоги избрания ГД 2021 г. обсуждаются в докладе Фонда «Либеральная миссия»¹ [1]. Выборы состоялись 17–19 сентября 2021 г. (в Москве и еще шести городах проводился эксперимент по электронному дистанционному голосованию — ДЭГ), и, согласно официальной статистике в них приняли участие 51,7 % избирателей, а победила, как и ожидалось, партия власти — «Единая Россия» (ЕР), которая получила голоса 49,8 % избирателей. В состав ГД вошли еще четыре партии — укрепившаяся КППРФ, ослабленная ЛДПР, немного

¹ Внесен в реестр иностранных агентов.

подростая СР, представленная в думе ранее, но также преодолевшая пятипроцентный барьер партия «Новые люди». Невысокая явка, хотя на несколько пунктов превысившая результат 2016 г., отражает, по мнению экспертов, стремление власти отстранить протестного избирателя, снизить явку в протестных регионах и одновременно добиться мобилизации административно зависимых категорий избирателей и конформистов. Этому способствовали перенос выборов на сентябрь, вялая избирательная кампания и устранение ярких оппозиционных кандидатов.

Проведенные после выборов ГД 2021 г. всероссийские опросы позволили прояснить некоторые характеристики избирателей. Согласно данным «Левада-центра»¹ [2], 55 % россиян ответили, что голосовали на выборах в Госдуму 2021 г., причем за ЕР — 38 % (а не официальные 49,8 %). Большинство задолго до начала предвыборной кампании 2021 г. знали, за какую партию будут голосовать (58 %). Доли избирателей, проголосовавших за ту или иную партию, были сходными среди занятых в государственном и негосударственном секторах. Согласно ответам опрошенных, основная мотивация голосования на выборах, намного превышающая другие мнения, — гражданский долг, о чем сообщили 57 %. Три наиболее часто встречающиеся объяснения, почему человек не участвовал в выборах, были следующими: не верю никому из политиков — 21 %, не мог (болен, в отъезде) — 17 %, результаты не зависели от моего участия — 10 %. Доминирующее число респондентов, за редкими исключениями, заявили, что не сталкивались с давлением или принуждением к участию в выборах или голосованию за определенную партию, кандидата — такого мнения придерживались 94 % (возможно, многие давали нормативные ответы). Другой опрос [3] показал, что меньше половины респондентов признают выборы 2021 г. честными (45 %), и столько же таковыми их не считают (46 %), причем позитивные мнения выражали, как правило, голосовавшие за ЕР, тогда как негативные чаще можно было встретить среди избирателей системной оппозиции, прежде всего КПРФ. Результатами выборов оказались удовлетворены 46 %, и особенно высоким этот показатель был среди избирателей ЕР, но многих они не удовлетвори-

¹ Признан иностранным агентом.

ли (40 %), особенно отдавших свой голос за Коммунистическую партию. Только 49 % ожидали после выборов перемен в нашей жизни к лучшему, причем такого мнения придерживалось опять-таки преобладающее большинство голосовавших за ЕР, но не меньше оказалось и тех, у кого не было таких ожиданий (48 %). Лишь половина (51 %) признает, что в ГД будет представлена партия, выражающая их интересы. Разделились и мнения об электронном голосовании, положительно его оценили 46 %, отрицательно — 41 %, и отмечается, с одной стороны, его удобство, а с другой — возможности фальсификации.

Изучение явки на выборы в ГД проводилось в двух основных направлениях: одно — рассмотрение региональных особенностей, а другое затрагивает проблему электоральных неравенств. Исследования первого направления были посвящены анализу завышенных показателей явки в регионах и районах страны, где вероятными были массовые фальсификации и мобилизация зависимых от властей избирателей с использованием политических машин — политических организаций, которые добиваются явки и электоральной поддержки властей, предлагая гражданам партикулярные материальные блага в обмен на их голоса (обзор этих исследований см.: [4, с. 73–79]). Подозрительно высокая явка и поддержка партии власти наблюдались прежде всего в национальных республиках и автономных областях, на селе, в государственных секторах экономики, образования и здравоохранения.

Эти факты вновь находят подтверждение при рассмотрении результатов выборов в ГД в 2021 г. на уровне избирательных участков. На эти результаты, отмечается в докладе Фонда «Либеральная миссия», оказали существенное влияние так называемые «аномальные» регионы, в которых очень высокая явка сочетается со значительным числом голосов за партию власти (около 22 регионов): «...итоговую победу ЕР в 2021 обеспечили фальсификации в “электоральных султанатах”» (в том числе в республиках Северного Кавказа и Поволжья, некоторых других регионах) [1, с. 14]. Система электронного голосования также могла способствовать фальсификации, как это и происходило в Москве.

По расчетам С. Шпилькина, 17 территорий характеризуются тотальными фальсификациями, и еще в 29 они были значительными,

так что очищенная от фальсификаций явка составляет в 2021 г. 38 % (а не объявленные 51,7 %), и за ЕР реально проголосовали 32 % (не 49,8 %) [7]. Другое проявление фальсификаций, по мнению этого аналитика, — непропорционально большой вклад в результаты ЕР сельских участков, наблюдавшийся за счет увеличения «аномальных» голосов. В одномандатных округах безусловную победу также одержала Единая Россия (88 % всех мандатов), хотя очищенный от фальсификаций уровень поддержки победителей был невысоким — его медианное значение всего лишь 33 %.

С этими заключениями согласуются и результаты другой работы, в которой с помощью статистического анализа (election forensics tests) изучалось на уровне избирательных участков распределение голосов за Единую Россию в зависимости от явки, а также различия между большими и маленькими участками. Они также свидетельствуют о систематической фальсификации — вбросах бюллетеней, отраженных завышенной явкой, а также запугивании и принуждении избирателей в малых и периферийных регионах, где инфляция голосов и явки была особенно заметной [13].

Другое важное направление изучения участия в выборах — анализ поведения избирателей, выявление электоральных неравенств (обзор можно найти в [4]). Эти исследования были нацелены на прояснение того, кто склонен участвовать в выборах, и кто их игнорирует, к каким социальным слоям относятся те и другие, каковы их взгляды и социальные отношения. Массовые опросы свидетельствуют, что основная причина неучастия в выборах — отсутствие мотивации, проявляющейся в низком интересе к политике и отчуждении от политики избирателей, не доверяющих политическим институтам и не верящим, что с помощью выборов можно добиться желательных изменений в стране. Мотивацию участия еще больше ослабляют институциональные изменения контекста выборов, осуществляемые властями с целью устранения реальной политической оппозиции.

Согласно нашему исследованию поведения избирателей на выборах ГД в 2016 г., электоральная активность хорошо объясняется с помощью ключевых переменных, составляющих базовую теоретическую модель «ресурсы — мотивация — мобилизация», сформулированную в исследованиях западных демократий [5]. Эта активность

увеличивается с возрастом, снижаясь среди самых пожилых, и при повышении образовательного уровня, выше у избирателей, имеющих связи с добровольными ассоциациями. Важную роль играют политические мотивации, побуждая к участию людей, интересующихся политикой, уверенных в открытости политической системы влиянию граждан и доверяющих ГД. Но самый сильный фактор — партийная идентификация: голосовать ходят те, кто способен выделить среди политических партий близкую организацию. Кроме того, в нашей стране повышенное участие в думских выборах было характерно для жителей села и работников государственных предприятий, общественного сектора и управленческих структур, что может служить подтверждением концепции о мобилизации властями зависимого населения.

Поведение наших сограждан на выборах ГД 2021 г. и электоральные неравенства остаются недостаточно изученными. В настоящей работе предполагается внести некоторую ясность в вопрос о социальном структурировании участия в этих думских выборах, а также еще раз проверить предположения о завышенной явке зависимого от властей населения и поддержке им партии власти.

ЗАДАЧИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предшествующие исследования продемонстрировали, что в западных демократиях, Центральной и Восточной Европе, а также России на парламентских выборах проявляются социальные неравенства электоральной активности. Она заметно повышается в старших возрастах и при более высоком социально-экономическом статусе, что объясняется теоретическими представлениями о важности индивидуальных ресурсов, мотивации и возможностей мобилизации. Изучение российских выборов поставило также вопрос о повышении явки вследствие воздействия властей на зависимых от них избирателей — пожилых людей, сельских жителей, работников связанного с государством сектора экономики, а также жителей регионов с наиболее авторитарным правлением. В настоящей работе предполагается дальнейшее изучение таких электоральных неравенств в нашей стране с использованием опросных сведений о голосовании на последних выборах Государственной Думы (ГД) 17–19 сентября 2021 г.

В представленном анализе используются социологические данные, собранные вскоре после выборов ГД (в начале 2022 г.) в ходе репрезентативного опроса российского населения, выполненного по Международной программе социальных исследований (International Social Survey Programme 2021 [10]). В опросе участвовали граждане в возрасте от 18 лет, их общее число в выборке — 1597 человек.

Во время интервью респондентов спрашивали: «Голосовали ли вы на выборах в Государственную Думу России в сентябре 2021 года?». «Да» ответили 49 %, «нет» — 51 %, так что явка по этим данным очень близка к показателю статистики ЦИК — 51,7 %. В опросе «Левада-Центра», считающегося иностранным агентом, как уже было указано, об участии сообщили 55 %. Опросные значения участия незначительно отличаются от официальной цифры, однако, учитывая, что эти значения, как свидетельствуют специальные исследования [8; 12], обычно заметно превышают избирательную статистику (на 10 пунктов и более вследствие избыточного представительства в выборке голосующих граждан и нормативно желательных ответов со стороны тех, кто в действительности не голосовал), можно ожидать, что и объявленная явка на выборах ГД 2021 г. является завышенной (по мнению С. Шпилькина, напомним, 38 %).

Неравенства электорального участия рассматривались с учетом основных характеристик социальной демографии опрошенных. Среди них пол и возраст, представленный семью категориями (18–25, 26–35, 36–45, 46–55, 56–65, 66–75 и старше 75 лет). Для измерения социального статуса использовались различия по образованию (согласно обзорам, оно является наиболее важной статусной переменной, определяющей избирательную активность), поскольку невысокие показатели встречаются редко, исходное разбиение было укрупнено до четырех достаточно наполненных градаций: ниже среднего образования; среднее (школа или ПТУ с соответствующим аттестатом), среднее продвинутого уровня (техникум, колледж) и высшее (учитывались и прouчившиеся в вузе не менее трех курсов). Место жительства респондентов фиксировалось четырьмя позициями — крупный город, пригороды большого города, небольшой город и сельская местность. Вовлеченность индивидов в сети социальных отношений, которые могут способствовать их мобилизации на выборы, учитывалась по

признакам наличия супруга или партнера, членства в профсоюзах (никогда не состояли, прежде состояли, состояли во время интервью), а также частоты посещения религиозных служб, представленной четырьмя уровнями (никогда не посещают, не чаще раза в год, несколько раз в год, не реже одного раза в месяц — градации укрупнены, поскольку лишь немногие делают это достаточно регулярно). Еще одна важная независимая переменная — сектор экономики, в котором занят работник: те, у кого работа была в государственной, бюджетной сфере, противопоставляются избирателям, на которых властям труднее оказать давление, — из частного сектора или вовсе не работающих. Наконец, респонденты различались в зависимости от макрорегиона, в котором они голосовали, — учитывались 11 позиций: Северный, Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Черноземный, Волжский, Северо-Кавказский (в Чечне опрос не проводился), Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальне-Восточный.

Дескриптивная статистика для охарактеризованных переменных представлена в таблице 1.

Таблица 1 (Table 1)

Дескриптивная статистика для изучавшихся переменных*Descriptive statistics for the variables studied*

Переменные	N	%	Переменные	N	%
Выборы ГД	1589		Образование	1597	
Не участвовали	804	51	Ниже среднего	139	9
Участвовали	786	49	Среднее: школа, ПТУ	339	21
Регион	1597		Среднее: техникум, колледж	652	41
Север	39	3	Высшее, не менее 3 курсов	468	29
Северо-Запад	117	7	Работа, сектор экономики	1586	
Дальний Восток	57	4	Частный	623	39
Волго-Вятский	91	6	Государственный, публичный	259	16
Черноземный	212	13	Не работают	704	45
Волжский	85	5	Членство в профсоюзах	1590	
Северный Кавказ	221	14	Никогда не состояли	818	51

Завершение табл. 1

Переменные	N	%	Переменные	N	%
Урал	213	13	Ранее состояли	633	40
Западная Сибирь	169	11	Состоят	140	9
Восточная Сибирь	84	5	Наличие супруга, партнера	1597	
Центральный	309	19	Нет	907	57
Пол	1597		Есть	690	43
Женщины	876	55	Место жительства	1597	
Мужчины	721	45	Крупный город	801	50
Возраст	1597		Пригороды крупного города	46	3
18–25 лет	203	13	Небольшой город	470	29
26–35	248	15	Село	280	18
36–45	357	22	Посещение религиозных служб		
46–55	267	17	Никогда	779	49
56–65	311	19	Не чаще 1 раза в год	299	19
66–75	169	11	Несколько раз в год	269	17
76+ лет	42	3	Не реже 1 раза в месяц	245	15

Неравенства участия в выборах ГД 2021 г. изучались с помощью логистического регрессионного анализа, в котором зависимая переменная — это дихотомия, разделяющая абсентеистов (градация «0») и голосующих (градация «1»), а независимые переменные включались тремя дополняющими друг друга блоками, как это будет показано ниже. При этом использовались «веса» — коэффициенты, устраняющие отклонения выборочной социальной демографии от статистики, характеризующей взрослое население России (переменная *post-stratification weight*, представленная в массиве данных ISSP).

УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ ГД 2021 г.: СОЦИАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА

Результаты, полученные в логистических регрессиях, представлены в таблице 2 тремя решениями. Модель 1 позволяет оценить неравенства участия в выборах ГД 2021 г., обусловленные демографическими характеристиками опрошенных и их образованием.

Таблица 2 (Table 2)

**Демографическое и социальное структурирование участия
в выборах ГД 2021 г.**

*Demographic and social structuring of participation
in the 2021 State Duma elections*

НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ	МОДЕЛЬ 1	МОДЕЛЬ 2	МОДЕЛЬ 3
Константа	-0.66***	0.51	0.08
Пол (Ж=0, М=1)	-0.20	-0.13	-0.11
Возраст			
18–25 лет (референтная)			
26–35	0.58**	0.48*	0.50*
36–45	0.87***	0.59**	0.59**
46–55	0.95***	0.49*	0.43
56–65	1.51***	0.90***	0.95***
66–75	2.31***	1.62***	1.77***
76+ лет	2.92***	2.39***	2.49***
Образование			
Ниже среднего	-0.96***	-0.83***	-0.80***
Среднее: школа, ПТУ	-0.56***	-0.47**	-0.43**
Среднее: техникум, колледж	-0.30*	-0.33*	-0.31*
Высшее (референтная)			
Членство в профсоюзах			
Состоят (референтная)			
Ранее состояли		-0.48*	-0.18*
Никогда не состояли		-1.19***	-0.85***
Наличие супруга, партнера (нет=0, есть=1)		0.30**	0.28*
Посещение религиозных служб			
Не реже 1 раза в месяц (референтная)			
Несколько раз в год		0.18	0.24
Не чаще 1 раза в год		-0.17	-0.11

Завершение табл. 2

НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ	МОДЕЛЬ 1	МОДЕЛЬ 2	МОДЕЛЬ 3
Никогда		-0.37*	-0.36*
Место жительства: село			0.09
Работа в госсекторе экономики			0.77***
Nagelkerke	0.15	0.20	0.22
N	1590	1578	1567

Примечание. Приведены коэффициенты, полученные в логистических регрессиях.

Note: The coefficients obtained in logistic regressions are presented.

Модель показывает, что различия электоральной активности между мужчинами и женщинами были несущественными. В соответствии с теоретическими ожиданиями обнаруживаются сильные расхождения этой активности между возрастными категориями. Согласно представленным коэффициентам, по сравнению с самыми младшими респондентами в каждом последующем возрастном срезе все больше становится доля тех, кто ходил на выборы. Эту зависимость иллюстрирует рисунок 1. Если среди молодых людей (18–25 лет) проголосовали лишь четверть опрошенных, то с повышением возраста этот показатель неуклонно возрастает, достигая у 56–65-летних значения в 60 %, а у тех, кому 66–75 лет, — 77 % (среди немногочисленных представителей самых пожилых эта доля была еще больше — 85 %).

Как показал наш анализ поведения избирателей на предшествующих выборах ГД в 2016 г. [6], рост электоральной активности к старшим возрастам можно отчасти объяснить повышением у людей интереса к политике и укреплением партийной идентификации, которые развиваются при продвижении по этапам жизненного цикла вследствие появления в жизни людей проблем, зависящих от властных решений. В то же время такое объяснение не является исчерпывающим. Не исключено, что резкое нарастание явки в старших возрастных категориях, как это представлено на рисунке 1, связано также с патрон-клиентскими отношениями между властями и пожилыми людьми, получившими заметные денежные выплаты перед выборами (многие из них и голосуют за партию власти).

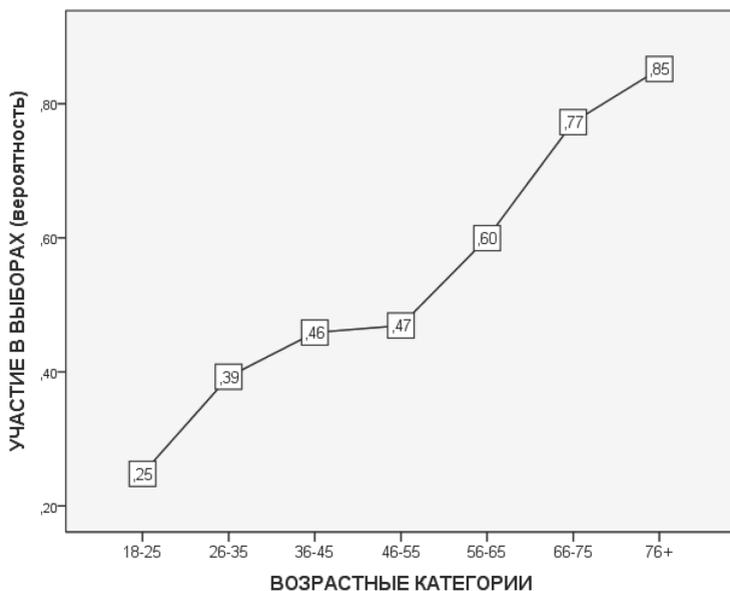

Рис. 1. (Fig. 1). Голосование на выборах ГД 2021 г.: возрастные особенности
Voting in the 2021 State Duma elections: age characteristics

Примечание. Рисунок построен по регрессионному уравнению с контролем пола и образования

Note: The figure is based on a regression equation controlling for gender and education.

Подтверждается и теоретическое положение о важности ресурсного обеспечения — политической подготовленности избирателя, связанной с более высоким образованием. Регрессионные коэффициенты в модели 1 действительно свидетельствуют о постепенном снижении активности на выборах по мере продвижения по уровням образовательной структуры от самого высокого к самому низкому. График, свидетельствующий о таком снижении по вероятным долям участия в выборах представителей четырех образовательных категорий, приведен на рисунке 2. Показатель явки для респондентов с высшим образованием составляет 56 %, со средним специальным образованием (техникум или колледж) — 50 %, тогда как при общем среднем он равняется 44 %, а среди тех, у кого образование было неполным средним, — 36 %.

Значение для электоральной активности социальных связей рассматривается в модели 2. Независимые переменные социальной демографии были дополнены в ней еще тремя признаками — есть ли у опрошенных супруг, партнер, связаны ли они с профсоюзами и часто ли посещают религиозные службы. Включение их в уравнение регрессии заметно улучшает объяснительные возможности модели (по показателю Nagelkerke, который увеличивается с 0.15 до 0.20), причем это происходит главным образом за счет переменной, фиксирующей связи с профсоюзами: в голосовании приняли участие 69 % тех, кто сообщил о своем членстве в такой организации (они составляют скромное меньшинство в выборке), и лишь 34 % респондентов, никогда в них не состоявших. Профсоюзы, вероятно, способны осуще-

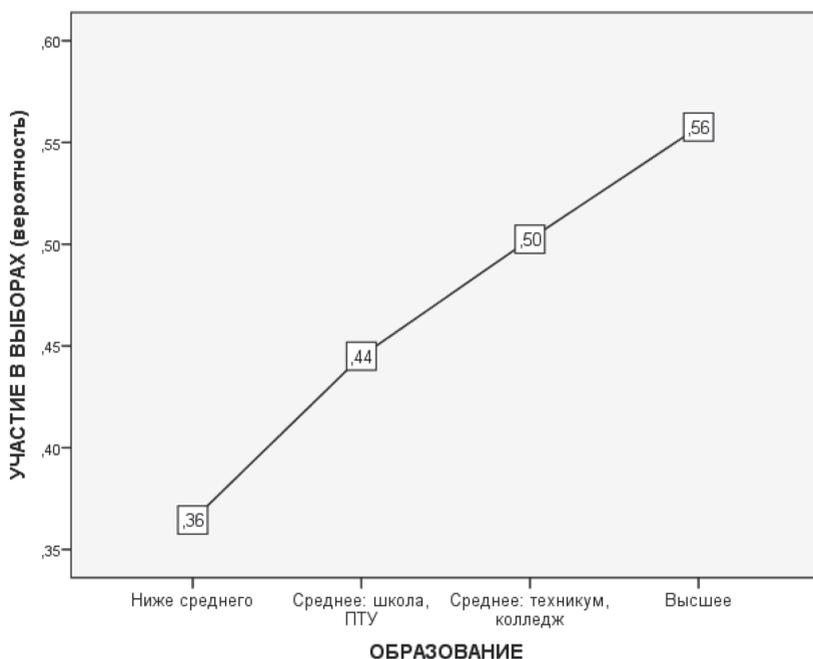

Рис. 2. (Fig. 2). Голосование на выборах ГД 2021 г.: различия по образованию
Voting in the 2021 State Duma elections: differences by education

Примечание. Рисунок построен по регрессионному уравнению с контролем пола и возраста

Note: The figure is based on the regression equation with control for gender and age.

ствлять мобилизацию избирателей, хотя тот факт, что высокий процент участия характеризует не только их членов, но и тех, кто состоял в профессиональной организации прежде, указывает на возможность иной интерпретации, предполагающей активную общественную позицию таких людей, объясняющей и их отношения с профсоюзами, и избирательную активность. Два других индикатора социальной вовлеченности связаны с участием в голосовании довольно слабо, хотя статистически значимо (его вероятность немного выше у тех, кто живет с супругом или партнером, а также она чуть ниже, если человек никогда не посещает религиозные службы).

В модели 3 проверялись предположения о более активном участии в выборах зависимых от властей избирателей. Набор независимых переменных был дополнен еще двумя показателями, один из которых отделяет городских жителей от сельских (считается, что у властей больше рычагов давления на последних), а другой — работников государственного сектора экономики от частного и неработающих людей. Вопреки ожиданиям, активность избирателей в городах мало отличалась от поведения на выборах сельского населения (различия были статистически незначимыми и при учете более дробного деления места жительства — на крупный город, его пригороды, небольшой город и село).

Признак занятости в государственном секторе экономики играет ожидаемую роль в объяснении того, кто ходил на думские выборы, и кто этого не делал (Nagelkerke становится равным 0.22). Явка была заметно выше среди тех, кто работал в этом секторе, по сравнению с работниками частных фирм или неработающими людьми. Причем эти различия электоральной активности зависят от возраста — об этом говорят результаты логистической регрессии, в которой учитывалась интеракция между переменными возраста (измеренного в годах) и сектора занятости. В наглядном виде эта интеракция представлена на рисунке 3 (анализ проводился с помощью программы Process, см.: [9]). На нем видно, что работа в государственном экономическом сегменте понуждает даже наиболее пассивных граждан младших возрастов ходить на выборы: если среди респондентов в возрасте около 30 лет, занятых в частном секторе или неработающих, в выборах участвовали всего лишь 26 %, то в рядах работающих в государственном

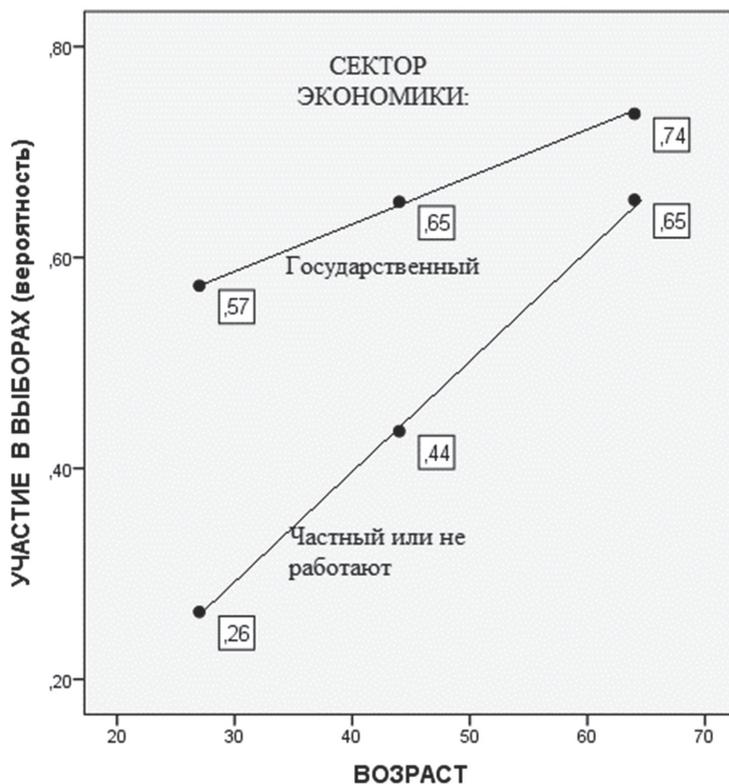

Рис. 3. (Fig. 3). Электоральное участие работников государственного сектора экономики: возрастные особенности

Electoral participation of public sector workers: age characteristics

Примечание. Рисунок построен по уравнению логистической регрессии с контролем пола и образования. Точки соответствуют 16 %, 50 % и 84 % перцентильям возрастных различий.

Note: The figure is constructed using the logistic regression equation controlling for gender and education. The dots correspond to the 16%, 50%, and 84% percentiles of age differences.

секторе их было 57 %. Значительный разрыв наблюдается и в средних возрастах — 44 и 65 % соответственно, тогда как в старших он становится совсем небольшим (различие в 9 процентных пунктов). Эти результаты подкрепляют предположение о мобилизации властями зависимых от них избирателей.

Явка на выборы в России сильно отличается в разных частях страны. В докладе Фонда «Либеральная миссия» отмечается: «Есть группа регионов, ядром которой являются ряд национальных регионов Северного Кавказа и Поволжья с жестко авторитарными региональными политическими режимами, в которых власти всегда объявляют о сверхвысокой явке (часто 80–90 %) и столь же высоком проценте от этой явки за партию власти. По мнению независимых электоральных экспертов, а также оппозиции, в реальности в этих регионах явка мало отличается от других и имеют место массовые фальсификации» [1, с. 2]. В самом деле, добавление в наших регрессиях к независимым переменным признака региональной принадлежности показывает (решение не приводится), что явка была сходной в разных частях России, колеблясь вокруг пятидесятипроцентного значения. Но есть и два статистически значимых исключения. Одно из них — невысокий показатель участия на Северо-Западе (42 %), а другое — самая низкая явка, вопреки официальной статистике и предположению об авторитарном давлении на избирателей, оказалась на Северном Кавказе (37 %). Хотя в общероссийской выборке представленность регионов может быть нерепрезентативной для их населения, очень большое расхождение официального и опросного значений явки на Северном Кавказе указывает, что республиканские власти, скорее всего, не столько принуждают избирателей к голосованию, сколько фальсифицируют его результаты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Равенство участия граждан в избрании властей — один из основополагающих принципов демократического правления, не всегда, однако, соблюдающийся в реальной политической жизни. В западных демократиях большая часть избирателей, как правило, голосуют во время проведения общенациональных выборов, однако они не представляют адекватным образом всех граждан страны, поскольку вероятность участия представителей разных социальных страт неодинакова. Многочисленные исследования в этих странах показывают, что социально-экономический статус, особенно образование, является одним из ключевых факторов, определяющих электоральное поведение, — с его повышением растет вероятность участия индивида в го-

лосовании. Нарастанию этой вероятности способствует и возраст, отражающий смену этапов жизненного цикла со все большей значимостью для людей принимаемых политических решений. Эти структурные различия связаны в свою очередь с мотивационными факторами электоральной активности — интересом человека к политике и чувством гражданского долга, а также с его вовлеченностью в сети социальных взаимодействий, облегчающей мобилизацию. Такие неравенства и зависимости характеризуют также поведение избирателей в странах Центральной и Восточной Европы, хотя они выражены в них с меньшей отчетливостью, чем в сложившихся демократиях.

В России проблема неравенств электорального поведения остается недостаточно изученной. Отдельные работы, посвященные предшествующим выборам в Государственную Думу, позволяют предположить, что в нашей стране также достаточно определенно проявляются социальные различия участия в выборах, которые можно рассматривать с тех же теоретических позиций, что и в других европейских странах. Еще одно объяснение различий явки в нашей стране связывает повышенные ее значения с установлением патрон-клиентских отношений между властями и избирателями, а также с прямым принуждением властями к участию в выборах. В настоящей работе осуществлялась проверка этих соображений — она посвящена проблеме социальных неравенств участия российских граждан в последних выборах Государственной Думы, проводившихся 17–19 сентября 2021 г.

Статистический анализ данных репрезентативного российского опроса, проведенного в начале 2022 г. по Международной программе социальных исследований (ISSP 2021), позволил установить, что участие в выборах ГД 2021 г. было отчетливо социально структурировано в соответствии с общими закономерностями, выявленными в развитых и посткоммунистических демократиях. Электоральное участие повышается с возрастом — если в младших категориях отчетливое большинство составляют абсентеисты, то в старших, наоборот, те, кто ходил на выборы. Оно зависит и от образования опрошенных — наименьшей доля голосующих была среди тех, у кого не было аттестата об окончании средней школы, а наибольшей — в категории респондентов с высшим образованием. Также обнаружено, что избирательной активности способствуют связи с общественными организациями

и вовлеченность в сети взаимодействия с другими людьми, особенно членство в профсоюзах, но и наличие супруга или партнера.

В исследовании проводилась проверка предположения о мобилизации на выборы зависимого от властей электората. Она не подтвердила, что сельские жители, на которых, как считается, легче надавить, ходят голосовать чаще, чем избиратели в крупных или небольших городах. В то же время в согласии с этим предположением установлено, что вероятность участия в выборах работников, занятых в государственном секторе экономики и потому зависящих от властей, заметно выше по сравнению с теми, кто работал в частном секторе или не работал вовсе. Особенно заметными такие отличия были в младших возрастах, но и в средних проявлялись достаточно определенно. Анализ свидетельствует также, что явка на выборы в макрорегионах России мало варьировала, колеблясь около 50-процентного значения. Важное исключение составляет Северный Кавказ, где она оказалась, по опросным данным, самой низкой. Согласно официальной статистике, однако, в этом регионе явка относится к разряду самых высоких в стране. Это расхождение может свидетельствовать о том, что власти в республиках региона не столько принуждают избирателей являться на участки для голосования, сколько фальсифицируют результаты выборов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафронов Вячеслав Владимирович — Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник. **Телефон:** +7 (812) 316-34-36. **Электронная почта:** vsafronov@list.ru

Research Article

VIACHESLAV V. SAFRONOV

The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
25/14, 7-th Красноармейская str., 190005, St Petersburg, Russia.

SOCIAL STRUCTURING OF PARTICIPATION IN THE 2021 STATE DUMA ELECTIONS

Abstract. Studies in Western and Central-Eastern Europe show that participation in parliamentary elections is structured according to demographic and socio-structural grounds — it clearly increases with age and with increasing socio-economic status, reflecting differences in the political competence of voters, motivation and opportunities for their mobilization. The paper discusses demographic and socio-structural inequalities of participation in the elections of the State Duma on September 17–19, 2021. To identify such inequalities, a logistic regression analysis of data from a representative Russian survey conducted under the ISSP program in 2022 was carried out. The results show that electoral participation in these elections was closely related to age — absentees prevailed among the younger voters, while the majority of the older ones participated in the voting. Such dependence, as we found earlier, arises as a result of a gradual increase in interest in politics and party identification with age, and may partly indicate clientelistic relations between the government and older people who received significant cash payments on the eve of the elections. In accordance with the theory of resources-motivation-mobilization, high education and income also contribute to electoral activity. It is related to employment, membership in trade unions, and attendance at religious services. In addition, the results support theoretical assumptions about the forced voting of the population dependent on the authorities — employees of the public sector of the economy, especially younger and middle-aged, do this much more often than those employed in private firms or not at all. However, it was not possible to detect differences between urban and rural populations, although it is believed that the latter is also easier for the authorities to influence. Regional comparisons add confidence that the highest official turnout rates in the republics of the North Caucasus, which, on the contrary, turn out to be the lowest according to the survey materials, appear as a result of massive fraud on the part of their leadership.

Keywords: State Duma elections 2021, voting inequalities, demographic and socio-structural differences, International Social Survey Program (ISSP 2021), Russia.

For citation: Safronov V.V. Social structuring of participation in the 2021 State Duma elections. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 53–73. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.3>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viacheslav V. Safronov — The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Senior researcher. **Phone:** +7 (812) 316–3436. **E-mail:** vsafronov@list.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Кынев А.В. Общие итоги выборов и избирательной кампании — 2021. Фонд «Либеральная миссия», 2021. Дата обращения 07.06.2024. URL: <https://liberal.ru/wp-content/uploads/2021/12/doklad-2021-itogi-1.pdf>
Кунев А.В. *General results of the elections and election campaign 2021*. Liberal Mission Foundation, 2021. Accessed 07.06.2024. URL: <https://liberal.ru/wp-content/uploads/2021/12/doklad-2021-itogi-1.pdf> (In Russ.)
2. Левада-Центр. Итоги выборов. 2021. Дата обращения 07.06.2024. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/05/itogi-vyborov/>
Levada-Center. *Election results*. 2021. Accessed 07.06.2024. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/05/itogi-vyborov/> (In Russ.)
3. Левада-Центр. Как россияне оценивают итоги выборов? 2021. Дата обращения 07.06.2024. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/06/kak-rossiyane-otsenivayut-itogi-vyborov/>
Levada-Center. *How do Russians evaluate the election results?* 2021. Accessed 07.06.2024. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/06/kak-rossiyane-otsenivayut-itogi-vyborov/> (In Russ.)
4. Сафронов В.В. Неравенства электорального участия в России: Обзор исследований в соотнесении с западными теоретическими моделями // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 2. С. 56–95. <https://doi.org/10.31119/re.2022.9.2.3>
Safronov V.V. Inequalities of electoral participation in Russia: A review of research in relation to Western theoretical models. *Vlast' i elity*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 56–95. <https://doi.org/10.31119/re.2022.9.2.3> (In Russ.)
5. Сафронов В.В. Участие в выборах Государственной Думы: социальные неравенства, мотивации и мобилизация // Власть и элиты. 2023. Т. 10. № 2. С. 121–169. <https://doi.org/10.31119/re.2023.10.2.6>
Safronov V.V. Participation in the State Duma elections: Social inequalities, motivations and mobilization. *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 121–169. <https://doi.org/10.31119/re.2023.10.2.6> (In Russ.)
6. Сафронов В.В. Медиаторы возрастных неравенств электорального участия: интерес к политике и партийная идентификация // Петербургская социология сегодня. 2023. Вып. 22. С. 49–70. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-22.62fe-xd85>
Safronov V.V. Mediators of age inequalities in electoral participation: Interest in politics and party identification. *Peterburgskaya sociologiya segodnya*. 2023. No. 22. P. 49–70. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-22.62fe-xd85>. (In Russ.)

7. Шпилыкин С. Аномальные и нормальные: статистический анализ итогов думских выборов. Фонд «Либеральная миссия», 2021. Дата обращения 07.06.2024. URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/anomalnye-i-normalnye-statisticheskij-analiz-itogov-dumskih-vyborov>
Shpil'kin S. *Abnormal and normal: Statistical analysis of the results of the Duma elections*. Liberal Mission Foundation, 2021. Accessed 07.06.2024. URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/anomalnye-i-normalnye-statisticheskij-analiz-itogov-dumskih-vyborov> (In Russ.)
8. DeBell M., Krosnick J.A., Gera K., Yeager D.S., McDonald M.P. The turnout gap in surveys: Explanations and solutions. *Sociological Methods & Research*. 2020. Vol. 49. No. 4. P. 1133–1162. <https://doi.org/10.1177/0049124118769085>
9. Hayes A.F. *Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach*. Third Edition. New York: The Guilford Press, 2022. 732 p.
10. ISSP Research Group. *ZA8000 International Social Survey Programme: Health and Health Care II — ISSP 2021*. ZA8000 Data file Version 1.0.0. Cologne: GESIS, 2024. <https://doi.org/10.4232/5.ZA8000.1.0.0>
11. Russell M. *Russia's 2021 elections: Another step on the road to authoritarian rule*. 2021. Accessed 07.06.2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698018/EPRS_BRI\(2021\)698018_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698018/EPRS_BRI(2021)698018_EN.pdf)
12. Selb P., Munzert S. Voter overrepresentation, vote misreporting, and turnout bias in postelection surveys. *Electoral Studies*. 2013. Vol. 32. No. 1. P. 186–196. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.11.004>
13. Thurner S., Klimek P. Election forensics of the Russia 2021 elections statistically indicate massive election fraud. *CSH (Complexity Science Hub) Policy Brief*. 2021. No. 5. Accessed 07.06.2024. URL: <https://www.csh.ac.at/wp-content/uploads/2023/12/2021-10-12-CSH-Policy-Brief-5-2021-Russian-Elections.pdf>

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.4>.

EDN: ODNBLY

Ю.А. ПУСТОВОЙТ^{1, 2}

¹ Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
630090 г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

² Национальный исследовательский Томский государственный
университет
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

УСЛОВИЯ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ АССАМБЛЯЖЕЙ В ГОРОДАХ СИБИРИ

Аннотация. На примере сравнительного анализа политических процессов в городах Сибири рассматриваются условия и этапы формирования различных типов властных отношений с 1991 по 2021 г. Для объяснения различий в политических траекториях автор, с одной стороны, привлекает концептуальный аппарат теории ассамбляжей мексикано-американского исследователя М. Деланды и строит свои выводы на основе дедуктивного метода, с другой — рассматривает ход и итоги избирательных кампаний в выбранных городах, индуктивно конструируя идеально-типологические модели коалиций победителей. Основным понятием исследования выступает «политико-административный ассамбляж», автономная целостность, состоящая из гетерогенных частей различной природы, способная оказывать принудительную координацию других ассамбляжей на основе легитимного признания за ней права определять целевые приоритеты сообщества, обязательные социальные стандарты и осуществлять контроль над их соблюдением. Ассамбляжи различаются между собой оценками электоральной конкуренции (персонификация —

корпоративизм) и прозрачностью административных процедур (прозрачность — аберрация) Таким образом, выделены четыре модели ассамблежей, две из которых обозначены как «паттерны Гоббса», две — как «паттерны Локка». Для объяснения расхождения процессов формирования различных паттернов сформулирована гипотеза «места», где географическое положение выступает условием, определяющим характер экономических, социальных и культурных проявлений (город-хаб или город административный центр), что во многом задает параметры пространственной, инфраструктурной и информационной среды рассматриваемого города, что, помимо материальной составляющей, находит выражение в символической среде, экспрессивном полюсе (городском гербе), становясь основой городской идентичности (торговый город, индустриальный город, административный центр). Анализ избирательных кампаний показывает смещение локальных политических повесток от комплексов местных проблем (1991–2000), к вопросам местной экономики (2000–2011), артикуляции на местном уровне больших по объемам проблем национального масштаба (2011–2021). Последнее в тенденциях означает унификацию управления и переход к «паттерну Гоббса», что в рамках выбранной теоретической модели неизбежно ведет к снижению социальной активности населения, обеднению символической среды и ослаблению комплексов сигналов о состоянии инфраструктурной среды.

Ключевые слова: город, ассамблеж, властные группы, сети, элиты, инфраструктура городской режим, Сибирь.

Для цитирования: Пустовойт ЮА. Условия и этапы становления политико-административных ассамблежей в городах Сибири // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 2. С. 74–103. DOI: <https://doi.org/10.31119/re.2024.11.2.4>. EDN: ODNBLY.

ВВЕДЕНИЕ: ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ УРБАНИСТИКЕ И СОЦИОЛОГИИ ГОРОДА

Проблема закрытости властных групп, скрытости внутренних коммуникаций, возможностей и целей индивидуальных представителей и коллективных объединений элитарных сообществ в условиях роста объемов контролируемых конкретными персоналиями ресурсов в любом обществе всегда представляла и представляет собой не

только теоретический, но и практический интерес. В условиях стабильных институтов, устоявшихся правил политической борьбы и экономической конкуренции диапазон возможных стратегических и тактических выборов властного актора намного уже и ограничен комплексами формальных и неформальных кодексов. За соблюдением первых следят многочисленные, способные проявлять самостоятельную, часто имеющую правовые последствия инициативу субъекты: иерархические административные структуры исполнительной власти, суд, прокуратура, средства массовой информации, — за соблюдением вторых общественность, представленная совокупностями горизонтальных связей: коллеги, сослуживцы, соседи, родственники, словом те, кто способен отреагировать на нарушение норм снижением социальной репутации и личной самооценки нарушителя. В условиях, когда формальные и неформальные институты по тем или иным причинам перестают выполнять свои функции по поддержанию легитимизированного и легального порядка, персональные возможности ресурсно-обеспеченных субъектов значительно расширяются, а степень социального контроля снижается, что при развитии деструктивных тенденций способно превратить основную массу населения в заложника принимаемых элитой или лидером решений. Тем не менее отметим, что и бесконтрольность, и произвол также представляют собой определенный «идеальный тип» страхов по поводу будущего, подпитываемый трагической историей человечества и помещения жизненных реалий в морально-нравственную систему координат.

Не отрицая значимости экзистенциальных тревог и переживаний, оставаясь в рамках гуманистического подхода, отметим, что как бы ни хотелось наделить элиту максимальной самостоятельностью, произволом и отсутствием морально-нравственных ориентиров, ее члены зависимы как и от материальных активов, социального окружения, так и от устоявшихся в обществе норм и правил, что обычно называется культурой. Более того, элите приходится первой реагировать на жизненные вызовы и находить приемлемые для себя и общества ответы. Неадекватность и рост ошибок превращает этот социальный слой в «кладбище аристократии». В предложенном материале мы рассмотрим и обоснуем концептуальной аппарат и методологию, позволяющую в перспективе не только выявлять основные тенденции раз-

вития властных групп, но и показывать риски, обусловленные процессами, которые обычно рассматриваются вне привычного комплекса политических проблем, а именно связанные с развитием и состоянием городской материальной, информационной и культурно-исторической инфраструктуры. В рамках города возникают и развиваются основные паттерны властных отношений, вырабатываются системы норм и правил, проецируемые как на государственный, так и на бытовой уровень. Логика развития городского образа жизни показывает, что институциональный отказ от включения горожан в электоральный процесс (прямые выборы первого лица) в современных городах вероятнее всего создаст комплекс новых проблем, чем повысит эффективность управления.

Не вызывают возражений рассуждения о том, что в основе несхожести и несопоставимости параметров социальной и культурной жизни в российских регионах лежат пространственные факторы [8, с. 5–9]. Пятьсот километров в европейской части — далеко, а в Сибири — рядом. Ощущение времени в столице с ее ежедневно меняющимся календарем событий напоминает поездку в скоростном экспрессе. Время в алтайском селе больше сопоставимо с ездой и разговорами в кузове грузовика. На наш взгляд, не столько регионы, сколько их центры, города выступают тем местом, определяющим текущую социальную позицию региона среди других, его перспективы развития. В городах России сегодня проживает 75,5 % населения¹. Точка зрения, согласно которой «город» как тип поселения и образа жизни выступает в качестве преобразователя человеческой энергии и мотивации, не является ни новой, ни оригинальной. «Город как бы цезура, разрыв, новая судьба мира. Когда он возникает, неся с собою письменность, то открывает двери того, что мы называем историей... Все поворотные моменты роста выражались во взрыве урбанизации... Город настолько же порождал подъем, насколько бывал порожден последним. Но что несомненно, так это то, что даже когда город не порождал подъем

¹ Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 30.10.2024).

целиком, он обращал его к своей выгоде. И что такая игра в городе обнаруживается легче, нежели в любом другом месте» [2, с. 447]. Для ответа на поставленные вопросы мы рассмотрим привычное понятие города в контексте «нового урбанизма» и онтологии М. Деланды, где фокус внимания смещается на текучее взаимодействие материальных и нематериальных комментов. Далее покажем в этих рамках сложившиеся в сибирских городах традиции саморепрезентации. И наконец, оценим возможные варианты легитимации власти и роста активности горожан.

Начнем с того, что есть два способа рефлексии городского, которые можно вслед за рассуждениями об исторической оптике Бориса Степанова («город в истории» и «история в городе») обозначить как «политика в городе» и «город в политике» [13, с. 7–27]. В первом случае город для нас выступает в качестве лаборатории, арены политических событий, на которой разворачиваются конфликтные процессы борьбы за доминированием различных элитарных групп. Эта традиция хорошо отражена в современной социологии власти (М. Манн, Ф. Хантер, Р. Даль, Кл. Стоун, Х. Молоч, Дж. Логан, Р. Флорида, В. Ледеяв, А. Чирикова, В. Гельман, С. Кордонский, Ю. Плюснин), где влиятельные политические и экономические акторы не только ведут борьбу за материальные и социальные активы, но и стремятся монополизировать культурно-историческое наследие, сделав его одним из ресурсов власти. В этом случае материальные (архитектура, здания музеев, маршруты экскурсий и оформление пространства) и нематериальные (чувства и эмоции, возникающие от прочтения и прослушивания исторических нарративов, легенд и рассказов экскурсоводов) объекты превращают город в товар, объект потребления, что в полном соответствии с концепцией «машин роста» повышает шансы его жителей на экономическое благополучие и социальную респектабельность [9].

Во втором, город представляется «как историческая индивидуальность». Здесь вслед за Д. Джекобс, А. Лефевром и Н. Трифтом и Э. Амином городское рассматривается как пространство современного социального существования и самоорганизации, в ряде случаев возникающее раньше деревень. В ходе урбанистической революции урбанизированное общество приходит на смену обществу индустриаль-

ному, а его материальная инфраструктура выступает как основной фактор, формирующий саму природу человека [13, с. 19].

На наш взгляд, совмещение этих подходов, рассмотрение феноменов доминирования в городе как дедуктивным методом в рамках онтологии и исследовательских принципов нового урбанизма [1, с. 36–61] и теории ассамблежей М. Деланды [7], так и индуктивным через рассмотрение процессов формирования властных групп в социально-историческом и информационном контексте в ходе избирательных кампаний позволяет нам точнее описать и объяснить условия и этапы процессов возникновения и развития властных отношений между политическими и экономическими акторами. Эмпирической базой предложенного материала служит политическая история региональных центров Сибири (Омск, Новосибирск, Томск, Барнаул, Горно-Алтайск, Красноярск, Кемерово, Новокузнецк, Абакан, Иркутск, Кызыл, Улан-Уде, Чита) с 1991 по 2021 г., итоги и агитационный материал избирательных кампаний и анализ более 200 интервью участников политического процесса в рассматриваемый период.

ПРИНЦИПЫ, ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Город — это прежде всего продукт исторического смешения демографических, политических, экономических, социальных и культурных компонентов в ограниченном пространстве искусственном ландшафте. Взятый нами за основу подход к пониманию «городского» опирается на идеи, предложенные американским социологом Луисом Виртом, определившим его в своей классической работе как производную трех параметров: размер, плотность, гетерогенность [3]. Качественный переход от не городского к городскому удачнее всего сформулировал в своих работах В. Глазычев, где «городское» выступает как потенциальная возможность. Поселение может стать городом или нет. Есть два очень конкретных критерия: наличие свободного пространства (пустыря, парка, площади, находящихся в общегородской, коммунальной собственности) и наличие значительного количества людей, не занятых производственной деятельностью. Европейский город вырастил пять институтов, лежащих в основе публичного пространства и самоуправяемого сообщества: рынок (биржа), собор, суд, театр (иногда площадь), кабак (ресторан, кафе, харчевня). Места

постоянных репрезентаций, где люди смотрят на себя, других, празднично и деловито общаются [4, с. 15]. Именно эти институты, как подчеркивают современные исследователи, обеспечивают городу богатство талантов, приезжающих общаться с другими талантами. Жители современных городов, потребляя на 40 % меньше электроэнергии, чем жители пригородов, в целом, более здоровы и богаче, «настоящий город сделан из плоти, а не из бетона» [5, с. 34]. «Города успешны большей частью потому, что они предлагают удовольствия, воодушевление, лоск и интригу, а не только могущество, деньги или безопасность» [12, с. 9]. Если кратко обозначить одну из ключевых идей современных исследователей урбанистики, город — место активации чувств, мышления и практики.

Город образуется из потенциальных и действительных сущностей, вне которых не обнаруживается ничего «более реального». На самом базовом уровне речь идет о жизни как таковой, но включающей в себя экологию, состоящую не только из людей, но и из многих видов населяющих поверхность земли и океанов, практику биополитики, где постоянная инженерия тел и эмоций означает просачивание власти в сами тела и формы живых субъектов и рассмотрение чувств как ключевых элементов городской жизни [1, с. 38–40]. В этой онтологии города невозможно свести к чему-то одному, так как в процессе своего становления они всегда представляют нечто большее. Развитие и критический анализ метафор городского, его осмысление в рамках повседневного урбанизма, как неповторимого продукта смешения, проведенное Эшом Амином и Найджелом Трифтом (с опорой на философские и исследовательские принципы Д. Юма, Дж. Локка, Б. Спинозы, М. Серра, Ж. Делеза, Б. Латура, М. Деланды), потребовало сосредоточения внимания исследователей на «столкновениях», ситуациях, где человеческие субъекты, представляющие собой единство цели и тела, выступают как агрегаты многочисленных сетей — конфликтующих, сотрудничающих, паразитирующих, соприкасающихся друг с другом. Города нельзя свести к чему-то одному, они по-настоящему множественны и всегда выходят за рамки, являясь всегда и одновременно и генераторами патриархальности, и артефактами государства, и машинами потребления [1, с. 41].

Один из наиболее продуктивных подходов в понимании и объяснении проблем динамики современности предложил американский ученый мексиканского происхождения М. Деланда, где в фокусе внимания — центральная интуиция «не неживой жизни», «сборка», целостность, возникающая в результате самоорганизации компонентов различной природы. Этот процесс и его результат он обозначил понятием «ассамбляж».

С одной стороны, он опирается на представления Ж. Делеза о сборке и формах неорганической жизни, где техническое не рассматривается отдельно от социального, и изобретения в мире техники меняет поведение людей и их потребности [6, с. 14]. С другой стороны, он включает в это понятие индивидов, сети, организации и правительства, города и государства. Функционирование компонентов на каждом из уровней описывается и объясняется идеями и концепциями Д. Юма, И. Гофмана, Ч. Тилли, М. Вебера, Ф. Броделя. «Ассамбляжи, будучи целостностями, чьи свойства возникают из взаимодействия частей, можно использовать в целях образования этих промежуточных сущностей: межличностные сети и институциональные организации являются ассамбляжами людей; движения социальной справедливости — это ассамбляжи сети из нескольких сообществ; центральные правительства — это ассамбляжи нескольких организаций; города — это ассамбляжи людей, сетей, организаций, равно как и ряда инфраструктурных компонентов: от зданий и улиц до трубопроводов для потоков материи и энергии; государства — это ассамбляжи городов, географических регионов, образованных городами, и провинций, сформированных несколькими подобными регионами» [7, с. 13].

Ни один из этих уровней сборки не считается самостоятельным, не имеет онтологического приоритета, компоненты могут свободно перемещаются из ассамбляжа в ассамбляж и вступать в процессе коэволюции в обязательные отношения друг с другом. Здесь Деланда в противовес метафоре «общества как организма» приводит пример метафоры из Ж. Делеза «оса и орхидея» [7, с. 13]. Добавим к этому для понимания, что связь между человеком и технологией вошла в неосознанную привычку, хотя редко артикулируется, но не вызывает особых сомнений при анализе исторических (успех монгольских завоеваний орды основан на ассамбляже «всадника и складного лука», политиче-

ских, «Трамп и “Твиттер”») процессов и т.д. Еще раз отметим, что сборка, ассамбляж не представляет собой смесь сущностей и объектов, и не стоит ее представлять как грудку разнообразных материальных и социальных компонентов, главное свойство ассамбляжа — эмерджентность, способность целого влиять на его части. Попав на номенклатурную должность, партийный функционер получал в распоряжение комплекс возможностей и ограничений, материальных и символических активов, распоряжаться которыми можно было, соблюдая противоречивый неписанный кодекс поведения, в случае нарушения которого он вылетал из системы.

Теория ассамбляжей подразумевает структурирование мира по четырем осям. Первая ось отмечает вариативные роли компонентов ассамбляжа от материальной на одном конце оси до экспрессивной на другом, предполагая их смешение при использовании различных способностей. На материальном полюсе: тела, сети, организации, инфраструктура городов и городами и государств (где к ассамбляжам тел добавляются труд и его орудия, здания и районы). На экспрессивном: поза, одежда, мимика, то, что создает желаемый образа «Я», солидарность, легитимности, что может быть выражено в форме слов или поступков.

Вторая ось (измерение) определяет вариативные процессы, фиксирующие границы и способствующих стабилизации идентичности ассамбляжа за счет увеличения степени его внутренней однородности (территоризация) или, напротив, его дестабилизации, увеличения способностей изменяться и трансформироваться (детерриторизация).

Третья ось (измерение) ассамбляжа представляет собой дополнительную ось (кодирование/декодирование), служит для производства и поддержания идентичности специальными экспрессивными сущностями, такими как слова и гены, являясь, таким образом, медиумами — основой второго синтетического процесса. Кодирование обеспечивают вторую артикуляцию ассамбляжа (первая — процесс территориализации) и стабилизирует идентичность, что можно пояснить как совокупность нарративов в иерархических организациях. При традиционной власти в фокусе внимания будет сакральность, при рационально правовой, бюрократической — законность и формальные

роли. Кодирование и декодирование — рекуррентные процессы, их варьирующие повторения синтезируют целые популяции ассамблежей, в одних случаях скрепляют их идентичность или, напротив, наделяют их свободой для дальнейшего гибкого функционирования, эти же повторяющиеся взаимодействия приводят к возникновению сущностей другого масштаба.

Четвертое измерение ассамблея (связность/изолированность) также носит дополнительный характер и ее компоненты расположены ближе к материальному полюсу. Связность в самом простом виде обеспечивает циркуляцию компонентов, человеческих тел и материальных объектов, например связанность здания можно описать через расположение комнат, дверей, лестничных пролетов.

Ранее мы вводили и обосновывали понятие политико-административного ассамблея и разбирали его основные характеристики и процедуру их маркирования и оценки [10], здесь лишь напомним, что под этим понятием подразумевается автономная целостность, состоящая из гетерогенных частей различной природы (лидеров, политических активистов, неформальных политических сетей, партий и организаций, бюрократии и институтов и соответствующей материальной инфраструктуры: зданий, оборудования, машин, протокола, средств связи, собственных и дружеских СМИ и т.д.), способная оказывать принудительную координацию других ассамблежей (людей, сетей организаций) на основе легитимного признания за ним права определять ценностные приоритеты сообщества, правила и объемы распределения ресурсов, обязательные социальные стандарты, и осуществлять контроль над их соблюдением.

Предложенный концепт ассамблея предполагает увязывание двух политических составляющих: легитимную борьбу за ключевую позицию, позволяющую ее обладателю осуществлять процесс выбора одного из множества альтернатив (экспрессивная роль), и исполнение принятого решения через планирование действий, распределение ресурсов, принятие норм и контроль за их соблюдением (материальная роль). Политическое измерение ассамблея определяется его легитимностью, т.е. степенью конкуренции альтернативных кандидатов и их проектов. Маркером этого измерения считаем соблюдение равенства возможностей в доступе участников к открытой и публичной

конкуренции за голоса электората. Административное измерение ассамбляжа связано с чистотой формальных процедур и их искажением, абберрацией, соответствия принятия решений существующим формальным стандартам, ее регламентирующим, и закрепления этих решений на материальных носителях. Маркером должного уровня стандартизации в нашем случае выступает отсутствие искажений итогов голосования на выборах. Если оценивать соответствие ассамбляжа идеальному типу по четырехбалльной шкале, где корпоративная прозрачность получит оценку «4» (паттерн Локка), персонифицированная прозрачность — «3» (паттерн Локка), корпоративная абберрация — «2» (паттерн Гоббса), персонифицированная абберрация — «1» (паттерн Гоббса), то исследуемые города получают следующие оценки: «4» — борьба местных элит при честном подсчете голосов (Томск, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Барнаул); «3» — персонификация, наличие явного лидера, при отсутствии абберраций (Омск, Чита, Абакан); «2» — непрозрачный подсчет, но открытая конкуренция политических субъектов (Горно-Алтайск, Улан-Удэ); «1» — персонифицированная абберрация (Кемерово, Новокузнецк, Кызыл). Возникает вопрос: почему и как стали складываться различные типы властных отношений?

ГОРОДСКОЙ АССАМБЛЯЖ И ЕГО ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Реконструируем ассамбляжи сибирских городов через их материальные и экспрессивные компоненты, взяв за основу только городской уровень и не включая в анализ, так как сети и организации, которые необходимо подробно рассматривать отдельно [10]. Особенностью этого уровня сборки, считает М. Деланда является то, что решающую роль начинают играть пространственные отношения. Города как социальные сущности состоят не только из популяций человеческих индивидов, сетей и организаций, но и из инфраструктуры, зданий, улиц и всевозможных коммуникаций. Здесь уместно напомнить, что еще в русле Чикагской школы ее представители с 1920-х годов сформулировали направление, объясняющее общественные отношения территориальностью, и городская среда стала рассматриваться и как пространственная локация, и как место, структурированное во времени привычками и обычаями. М. Деланда, определяя город как

ассамблеж, показывает, как соотносятся его значения материальной и экспрессивной составляющей. Например, материальную роль в зданиях выполняют те компоненты, которые позволяют им быть *успешными несущими конструкциями*, а экспрессивность достигается демонстрацией роскоши или сакрального статуса. Введение новых технологий (изменение материальной составляющей) имеет определенные экспрессивные последствия [6, с. 115–117]. Стабилизация городской идентичности достигается за счет определенности границ города и рутинных практик проживания, детерриторизации вследствие создания новых урбанистических центров, шоссе, автомобилизации. Так, изобретение электротранспорта изменило границы рабочих районов, ранее селившихся около заводов и фабрик, и привело к относительной потере престижности центра города.

Таким образом, город постоянно детерриторизируется, и его рост все больше и больше индивидуализирует его жителей, что требует постоянного производства городских нарративов, обеспечивающих их солидарность. Рост материальной компоненты должен сопровождаться ростом экспрессивной. Материальная часть обеспечивает циркуляцию тел, информации и ресурсов, экспрессивная — символов, чувств и верований. В рамках подхода к городскому, разработанного Э. Амином и Н. Трифтом, мы можем выделить четыре основных компонента, четыре изобретения современного города, которые задают базовый городской ритм и связывают в единое целое все многообразие активностей: дороги и автомобили, средства передачи и хранения информации, надежные средства жизнеобеспечения повседневных акторов (газ, водоснабжение, тепло, канализация), средства массовой репрезентации: массовая фотография, кино, телевидения, в общем средства, предопределяющие смысл мест [1, с. 117–121]. Эти четыре компонента, три из которых имеют ярко выраженный материальный характер (что означает, что здесь процесс циркуляции связан с их способностью выступать несущими конструкциями и выполнять определенные функции) и один экспрессивный характер, задают основную городскую сборку. Оценка состояния дорог, информационной среды и инфраструктуры жизнеобеспечения позволяет нам рассматривать город в оптике обеспечения базового повседневного выживания физических тел, оценка публичной репрезентации города дает воз-

возможность определить основные линии кодирования, нарративов, наделяющих горожан общей идентичностью и лежащих в основе коллективной солидарности слов и поступков.

Операционализировать первые три компонента мы можем через показатели Индекса качества городской среды за 2023 г.¹ Индекс введен в 2019 г. на основе признанных международных документов Минстроем России как инструментарий для определения условий качества городской среды. Города разбиты по размерам (крупнейшие, крупные, большие) и климатическим условиям. Индекс формируется на основе оценки шести типов городских пространств (жилье, озелененные пространства, общественно-деловая инфраструктура, социально-досуговая инфраструктура, улично-дорожная сеть) в соответствии с шестью критериями качества городской среды (безопасность, комфортность, экологичность и здоровье, идентичность и разнообразие, современность и актуальность среды, эффективность управления). Формирование индекса происходит на основании данных Росстата, геоинформационных систем и дистантного зонирования территории. Каждый из индикаторов оценивается по шкале от 0 до 10. Совокупный индекс оценивается от 0 до 360 (при оценке от 0 до 180 среда признается неблагоприятной, при 181 до 360 — благоприятной). Для нас здесь наиболее интересна итоговая оценка (первая цифра), показатели пространств улично-дорожной среды (вторая цифра, здесь оценка дается по критериям состояния дорог) и общегородского пространства (третья цифра, здесь несколько индикаторов состояния инфраструктуры). Города перечислены в порядке убывания общего показателя. В скобках средняя оценка городов региона и характеристика их как благоприятных и неблагоприятных.

Абакан 222 (36, 40) (средний бал по региону (5 городов) 195, что оценивается как благоприятная среда).

Новосибирск 219 баллов (37, 41) (средний бал по региону (14 городов) 178 — неблагоприятная среда).

Кемерово 218 (36, 38) (20 городов 186 — благоприятная среда).

¹ Индекс качества городской среды — инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования. URL: <https://индекс-городов.рф/> (дата обращения: 30.10.2024).

Барнаул 214 (33, 42) (12 городов, 190 — благоприятная среда).
Иркутск 212 (34,37) (22 города, 172— неблагоприятная среда).
Новокузнецк 211 (40, 34) (20 городов 186 — благоприятная среда).
Красноярск 208 баллов (35, 42) (23 города, 192 — благоприятная среда).

Томск 207 (37, 41) (6 городов, 197 — благоприятная среда).

Горно-Алтайск 205 (35, 40) (нет данных).

Улан-Удэ 191 (40, 39) (6 городов, 176 — неблагоприятная среда).

Чита 198 (32, 39) (10 городов, 160 — неблагоприятная среда).

Омск 161 (23, 29) (6 городов, 171 — неблагоприятная среда).

Кызыл 159 (24, 38) (5 городов, 164 — неблагоприятная среда).

Таким образом, мы видим, что если брать за основу городскую материальную среду, то в целом, согласно официальным данным, в большинстве региональных центров (в 11 городах) она оценивается как благоприятная. В двух городах — столицах регионов ситуация сложнее, но тем не менее мы видим, что действующая инфраструктура центров способна поддерживать должный уровень повседневного функционирования. Для сравнения, если посмотреть показатели от крупнейших (более миллиона жителей) до малых (35–50 тыс.) Москва набирает 304 балла, Ярославль — 251, Реутов — 273, Кудрово — 272, Истра — 254. Оценим «2» — благоприятный город в благоприятной среде, «1» — благоприятный город в неблагоприятной среде, и «0» — неблагоприятный город в неблагоприятной среде.

Операционализация информационной среды нами проведена на основе данных Индекса развития медиасферы (MSindex, интегрировавший 48 индикаторов по пятичастным индексам: состояние среды СМИ, активность стейкхолдеров, состояние аудитории, состояние самих СМИ, состояние медиаконтента)¹. По нему все регионы России разбиты на четыре класса (А, В, С и D). К первой группе (А) в 2018 г. были отнесены города Новосибирской области (Новосибирск, 1),

¹ Отчет «Индекс развития медиасферы — 2018. Динамика институционального развития средств массовой информации в субъектах РФ верхнего уровня в 2015–2018 гг.» URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/75c/otchet-msindex-2018_final-na-sajt.pdf (дата обращения: 30.10.2024).

Красноярского края (Красноярск, 1,2). Ко второй (B) Томской области (Томск, 1,8), Омской области (Омск, 2), Иркутской области (Иркутск, 2,2), Кемеровской области (Кемерово, Новокузнецк, 2,2). К третьей группе (C): Алтайский край (Барнаул, 2,6). К четвертой (D) Забайкальский край (Чита, 3,6), республика Алтай (Горно-Алтайск, 3,6), Хакасия (Абакан, 3,6), Бурятия (Улан-Удэ, 3,6), Тыва (Кызыл, 4). Оценим группу А — «3» баллами, В — «2», С — «1» и D — «0»

К материальным маркерам саморепрезентации и формирования городской идентичности отнесем наличие городского музея. Осознание городской истории, ее отделение от привычной истории края и региона возможно только при достижении определенного уровня самостоятельной рефлексии происходящего, установлении связей между «вчера, сегодня и завтра», в чем обычно принимают участие местные энтузиасты -интеллектуалы, сообщества писателей, журналистов краеведов. Городские музеи, согласно Википедии (подчеркнем, что именно этот ресурс в данном случае наиболее соответствует целям исследования), есть в городах: Омск (Городской музей «Искусство Омска»), Новосибирск («Музей города Новосибирска»), Барнаул («Город»), Томск (Музей истории Томска»), Иркутск («Музей истории города Иркутска»), Новокузнецк («Кузнецкая крепость»), Улан-Удэ («Музей истории города Улан-Удэ»). Оценим наличие музея 1 баллом. В городах Красноярск, Абакан, Кемерово, Горно-Алтайск, Чита, Кызыл, разумеется, есть большие и локальные музейные комплексы, которые ориентированы на сохранение памяти о территории, этносах, локальной культуре или личности, но не выделяют отдельно специфическую городскую историю («0» баллов). В предложенной системе оценок Новосибирск (5), Красноярск (5), Томск (5), Иркутск (4), Барнаул (4), Абакан (2), Омск (3), Чита (1), Улан-Уде (2), Горно-Алтайск (1), Кемерово (4), Новокузнецк (5), Кызыл (0). Таким образом мы видим, что города, имеющие противоположные показатели по политическим критериям и диаметральному паттернам власти, могут совпадать по оценкам материальной среды. Здесь показательными будут сходства крупных городов, расположенных вдоль Транссибирской магистрали, и городов Кузбасса, имеющих близкие официальные показатели благоприятной среды и медиасферы. Города, набравшие меньшее количество баллов, как правило, относятся к центрам сельскохозяйственных регионов или добывающей промышлен-

ленности, что в равной степени применимо к столицам национальных республик, Чите и Омску.

ГОРОД КАК РЕСУРС ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ В ЗЕРКАЛЕ ГЕРАЛЬДИКИ

Экспрессивная компонента дает представление о том, как жителей связывает территория, время и смысл существования. Мы предлагаем рассмотреть ее через герб города. Большая часть сведений о городской геральдике имеется в открытых источниках, и мы стремимся следовать той интерпретации, которая дана публично. Как правило, городские гербы приняты и утверждены в разное время представительными органами власти. Высокая символическая связанность усиливает экспрессивное измерение ассамблежа и осуществляется через кодирование, обеспечивающее городскому ассамблежу территориальную идентичность. Интерпретация городского герба, как и любого символа, носит качественный характер. Мы взяли за основу анализа первичный план («фасад» И. Гофмана), их официальное описание, и поместили интерпретацию символики в культурно-исторический контекст, сопоставив ее с датой образования города и формальным утверждением геральдического знака. Это позволило выделить несколько типов символических объединений.

«Торговые города», или города, позиционирующие себя как центры коммуникаций и обмена.

Томск (1604 г.). Символика города прослеживается с XVII в., решением городской думы современный герб утвержден 27 августа 2019 г.

Основные элементы: пятизубчатая золотая корона, серебряный конь на зеленом поле, зеленая лента с девизом «ТРУДОМ И ЗНАНИЕМ». Центральный символ (серебряный конь) известен с 1785 г. и обычно интерпретируется как значимость торговой составляющей (извоз) в жизни горожан.

Новосибирск (1893 г.). Герб (действующий) утвержден решением городского совета Новосибирска от 23 июня 2004 г. (в 2008 г. решением Совета депутатов были внесены некоторые изменения). Основные элементы: геральдический щит, пересекаемый лазоревой полосой (река Обь, рассекающая зеленое и серебряное поле), разорванной тон-

кой черной нитью (Транссиб) и соединяемый золотым мостом (мост). Щит держат два соболя. Вверху — пятизубчатая корона, внизу — лук и стрелы. Источником вдохновения послужил герб 1993 г. Зеленый и белый (серебряный) цвет герба, соболя, лук и стрелы связывают символику города с историческими традициями Сибири, откуда и были взяты эти элементы.

Улан-Удэ (1666 г., до 1934 г. Верхнеудинск). Герб утвержден 20 октября 2005 г. (впервые принят в 1790 г., символы были элементами герба 1998 г.). Основные элементы: пятизубчатая корона с символом «соембо» (указывающая на принадлежность к Республике Бурятия), жезл Меркурия и рог изобилия. Два последних элемента связаны с историей торговых отношений в городе — центре коммерции региона.

Города, символика которых подчеркивает промыслы и освоение территорий. Города-фактории.

Иркутск (1661 г.). Утвержден решением городской думы 18 февраля 1996 г. (предыдущие версии были в 1690, 1790, 1996 гг.) Основной элемент: бабр (мифологический зверь, мутировавший от первоначального значения — тигр — в создание с кошачьей головой, перепончатыми лапами и пышным хвостом), несущий в зубах красного соболя. Подчеркивание исторической преемственности.

Красноярск (1628 г.). Герб утвержден 26 мая 2010 г. Основные элементы: червлёный щит, лев на задних лапах с золотыми серпом и заступом (лопатой). Вверху золотая башенная корона, щитодержатели — серебряный конь и единорог. Эти символы появились в 1851 г., когда Красноярск и Енисейская губерния получили новый герб. Лев показывал мужество, серп и лопата — основные занятия жителей сельское хозяйство и золотодобычу, наземные и подземные богатства.

Города, символика которых подчеркивает индустриальную составляющую.

Барнаул (1730 г.). Утвержден решением городской думы 24 сентября 2012 г. (на основе старинного герба Барнаула 1846 г.) Основные элементы: пятизубчатая корона, плавильная печь и два серебряных коня с золотыми копытами по бокам.

Кемерово (1701 г.) Утвержден решением Кемеровского Совета народных депутатов 29 декабря 2019 г. Основные символы: реторта, золотой колос, золотое зубчатое колесо на червленом и черном поле.

Новокузнецк (1607 г.) Действующая версия утверждена в 2018 г. Основные элементы: пятизубчатая корона (как статус городского округа), конь в верхней части (как напоминание о вхождении в Томскую губернию), городская стена, червлёный волк (историческая эмблема города), в центре композиции — червлёная кузница с орудиями. Два цветка, напоминающие о первоначальном названии Сад-город.

Города, подчеркивающие свое военное (*оборонное*) значение.

Омск (1716 г.) Современный герб утверждён 16 апреля 2014 г. решением Омского городского совета. В центре герба червлёная с черным стена с малыми бастиями. Вверху пятизубчатая корона, внизу девиз «Оный есть главная крепость». С одной стороны фузилер пехотных полков Петра I, с другой — сибирский казак. Из предыдущих исторических версий герба вошла только крепостная стена.

Чита (1653 г.) Утверждён решением Думы городского округа 15 ноября 2007 г. Центр композиции червлёная голова буйвола (скотоводство, серебряные глаза и язык — рудники) над восьмиконечным палисадом (поля палисада — восемь острогов), вверху пятизубчатая корона. Историческая преемственность с гербом Забайкальской области (1859 г.).

Города, подчеркивающие историческую преемственность.

Горно-Алтайск. Герб утверждён решением Горно-Алтайского Совета депутатов от 28 января 2020 г. (на основе герба 1998 г.) Концепция герба символизирует исторические особенности Горно-Алтайска. В центре лук, копьё и каменный топор, атрибуты труда и охоты (отражает уникальность города и нахождение на его территории Улалинской стоянки, одного из древнейших мест обитания первых людей планеты, её возраст, предположительно, несколько сотен тысяч лет). Два элемента орнамента: в левом верхнем углу — славянский орнамент, в правом нижнем — алтайский.

Абакан (1931 г.) Утверждён решением исполкома города 4 июня 1980 г. В государственной регистрации отказано. Вверху слово Абакан, на французском щите три каменных изваяния и красный цветок.

Города, подчеркивающие географическую составляющую.

Кызыл (1914 г.) Утверждён решением Хурала представителей города Кызыл 30 марта 2016 г. Основой герба служит обелиск «Центр Азии», золотые стилизованные крылья символизируют взлет и про-

цветание, визуальные ассоциации с солнцем и цветком. В центре основания герба растительный узор со стилистическим изображением сердца (рождение реки Енисей). Красный цвет герба прямо связан с названием города (Кызыл — «Красный»), желтый цвет, богатство (золото скифских курганов из Долины царей).

Два из рассмотренных городских символов утверждены в 1990-е, шесть — во втором десятилетии текущего века, что можно считать некоторым переосмыслением или подтверждением сложившейся городской идентичности. В целом, если отвлечься от традиционного геральдического канона, где есть строгие правила интерпретацией цвета, фигур и надписей, отметим, что основой формирования публично выносимой идентичности выступают два сюжета: первый связан с исторической преемственностью, второй — с функциональным разделением труда (в меньшей степени это касается трех столиц республик). Историческая тенденция отражается и в стремлении увеличить возраст города, иногда начиная его с поселения, которое было на этом месте (Кемерово), избытием исторических символов (Новокузнецк), включением символических деталей, отсылающих к эпохам, вряд ли имеющих непосредственное влияние на происходящее на территории региона сегодня (Горно-Алтайск).

«Производственная» тенденция подчеркивает комплекс качеств, которые показывают, как видят власти свой вклад в современные экономические реалии. Напрямую трудовая символика выражена в городах, значимым фактором развития которых была индустриализация, концентрированное строительство предприятий машиностроения, тяжелой и химической промышленности (Барнаул, Кемерово, Новокузнецк), в некоторых городах символика труда отсутствует и заменена службой (Омск), также в общем-то не имеющей никакого отношения к современности.

В торговых городах и городах-факториях экономическая составляющая скорее обозначается как элемент коммуникации (связывание берегов в Новосибирске), транспортировки (Томск, где потоки товаров с конца XIX в. стали заменять потоками студентов), добычи и сдачи природных ресурсов (Красноярск, Иркутск).

Соответственно можно выделить три типа городов со своим соотношением материальных и экспрессивных компонентов:

1. Рациональные города, города-хабы. М. Деланда обозначает их как города сетей морских портов, находящиеся на пересечении торговых потоков и капиталов. Для них характерна повышенная активность и ориентация скорее на будущее, чем на прошлое, рост экономической и социальной конкуренции, что требует постоянного создания соответствующих форм городской саморепрезентации. Постоянное столкновение с новым формирует комплекс качеств горожанина, основанный на нахождении универсальных стандартов для решения сложных проблем. К таким городам мы относим Новосибирск, Красноярск, Томск, Иркутск. Здесь исторически культивировалась самостоятельность и активность и, заметим, достаточно долго существовала политическая конкуренция и не было и пока нет aberrаций при подсчете голосов. Города выступают центрами концентрации и перераспределения торговых потоков и капиталов всех видов: финансовых, социальных и культурных. Многообразие и успешность возникающих и меняющихся предприятий и форм деятельности требовало разнообразных и квалифицированных специалистов, что, с одной стороны, увеличивало количество мигрантов, с другой — способствовало нахождению новых сетевых форм солидарности и эмоциональной поддержки, что увеличивало совместимость разнообразных компонентов. В этих городах к 1991 г. не было доминирующей экономической составляющей, основу производства составляли наукоемкие структуры военно-промышленного комплекса, был развит сектор услуг и высшее образование.

2. Индустриальные города. В терминологии М. Деланды это города — административные центры, которые могли предложить окружающим их деревням иное качество жизни, поглощали сельскую молодежь и «перерабатывали» ее в иной социальный продукт индустриального рабочего или служащего-интеллигента. К ним мы отнесем Барнаул, Омск (потерявшие в постсоветской России свою индустриальную составляющую), Кемерово, Новокузнецк и, возможно, Читу. В отличие от первой группы городов, они более территориализованы и имеют более гомогенный состав. Их историческая особенность — наличие регламентированной производственной деятельности, определяющей время, пространство и особенности городской жизни: заводской гудок, расписание и ритм работы автотранспорта,

стандартизация и организация городской жизни в соответствии с проблемами предприятий-монополистов. Руководство последних имело большую связанность с федеральным центром, чем с городом, и действовало в соответствии с приоритетами государственной бюрократии и политического руководства. Именно в этих городах наибольшего успеха добивались харизматические лидеры, что, на наш взгляд, вызвано своеобразным трансфером, механическим переносом внутригрупповых «сильных связей» доверия в область политики.

3. Традиционные города. Столицы республик — Горно-Алтайск, Абакан, Кызыл, Улан-Удэ. Они так же относятся к иерархии центральных мест, но без выраженной индустриальной составляющей. Их исторической особенностью является производство административных и социальных услуг и поддержание должного уровня порядка на территории региона. Здесь в качестве регулятора отношений выступали сложившиеся патримониальные традиции, что и поддерживало невысокий уровень личной активности в этих городах. Основной областью приложения интеллектуальных усилий было прошлое, в котором искался ответ на вызовы настоящего и будущего. Абакан представляет отдельный кейс, так как здесь особую роль сыграл фактор долгого политического лидерства, когда избранный на волне демократических преобразований мэр города управлял им больше 20 лет и умел совмещать либерально-демократические ценности и социальную политику.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ АССАМБЛЯЖЕЙ

Выводы этой части статьи построены на более ранних исследованиях политической жизни городов на основе эмпирических данных о роде и результатах избирательных кампаний. Методология и методы были рассмотрены как в приведенной нами работе, так и в других текстах и опубликованы в сборниках «Власть и элита» за прошлые годы, так что вряд ли к ним здесь необходимо подробно обращаться. Используя метод «наилучшего объяснения» [11], предлагаем считать, что в основании организации политической жизни в городах по паттерну Локка лежат качественные изменения или урбанистический контекст. В городах-хабах, где урбанизация была завершена, там возникли все предпосылки формирования городских институтов власти

в целом в рамках западноевропейской муниципальной модели, которая достаточно долго существовала до реализации ряда законодательных инициатив федерального центра, направленных на усиление централизованного тотального контроля над местными структурами. Где процесс урбанизации не был завершен (города — административные центры, предоставляющие набор услуг местным территориям, и по образу жизни, представляющие собой «очень большие деревни»), там закономерно сложился паттерн Гоббса. Исключение — индустриальные города Кузбасса, где эти властные отношения сложились под влиянием как доминирующего актора (губернатора А. Тулеева), переноса владения и управления местным бизнесом за территорию региона и формирования «дисциплинарной» социокультурной модели поведения горожан как следствия включения большинства горожан в повседневные технологические конвейерные цепочки.

События с 1993 по 2000 г. мы обозначили как «лидерский» этап и рассматриваем как попытку построения на муниципальном уровне властных отношений по паттерну Локка, что означает политическую конкуренцию при отборе на ключевые позиции и малоуспешные попытки усилить эффективность административного управления. Проводятся первые выборы по новому законодательству. В ходе приватизации распадаются старые и возникают новые субъекты политики, происходит резкий рост социального неравенства и низовой политической активности. В этот период в исследуемых городах выбираются первые 13 мэров. Кандидаты на эту должность и посты в заксобраниях представляют собой весь возможный спектр политических и идеологических взглядов, хозяйственных инициатив и социальных групп и движений. Победителями, особенно на посты в исполнительной власти, становятся номенклатурные чиновники КПСС и исполкомов, умеющие договариваться с различными группами и контролировать материальную составляющую ассамблея.

Отсутствие средств в городских бюджетах на решение социальных проблем, сопровождаемое ростом преступности в условиях анонии, приводит к нахождению двух локальных способов решения локальных проблем: создание политико-административных ассамблежей, связанных персональными договоренностями и включающих в себя подконтрольные экономические предприятия, средства массовой ин-

формации и силовые (законные и незаконные) структуры, или выработка программ и нормативных актов, ориентированных на широкую социальную поддержку населения и регламентирование границ и объемов деятельности организаций различных типов, находящихся на городской территории. Первая стратегия реализовалась в городах — административных центрах, где произошло усиление административного полюса (паттерн Гоббса), вторая в городах-хабах, где усилилась конкуренция разнообразных и относительно автономных элит, стремящихся к увеличению влияния на местные структуры власти, для чего в условиях выборов требовалась регулярная работа с электоратом (паттерн Локка). Со временем выбор одной из стратегий в качестве основной привел к возникновению ассамбляжей персонафицированной аберрации или корпоративной прозрачности.

Рост политической активности на федеральном уровне с начала нулевых значительно усилил административные компоненты и ослабил политические. Серия принятых законов усилила централизацию власти, субъекты власти на городском уровне действуют уже как лоббисты экономических групп, имеющие свои интересы, или играют роль представителей политических сил федерального масштаба (лоббистский этап). Реформирование избирательной системы снизило число самостоятельных и ресурсообеспеченных конкурентов «партии власти». Закон о местном самоуправлении (2003 г.) определил границы местных полномочий и поставил зависимость деятельности глав местного самоуправления не от населения, а от их оценок региональной и федеральной бюрократией. В то же самое время благодаря росту цен на энергоресурсы и налоговой реформе (2001 г.) начинается бурный экономический рост, следствием которого выступает расширение объема строительства в городах, рост экономики услуг, увеличение объемов бюджета на социальные выплаты, здравоохранение и образование. Включение российского бизнеса в глобальную экономику, расширение взаимодействия с мировыми финансовыми рынками приводит к внедрению в российских корпорациях универсальных и рациональных стандартов управления и требований к поведению. Рост индивидуальных возможностей на уровнях сетей и неполитических организаций при обратных тенденциях в политико-административных ассамбляжах (уменьшение числа субъектов, имеющих доступ

к политической конкуренции, регламентация и усиление вертикального иерархического контроля и исполнительной дисциплины в административном аппарате) приводит к росту латентных и открытых (уличных протестов в 2011 г.) конфликтов.

С 2011–2021 гг. происходит рост включения горожан, объединяемых через различные типы сетей, в политические процессы. Анализ мобилизационных повесток протестующих показывает, что здесь в фокусе внимания относительно немногочисленных, но широких по идеологическому сектору групп и объединений, борьба за политические позиции и требования к соблюдению законодательства. Как правило, политические объединения в городе реализуют федеральную повестку, действуя в городах больше, как агенты сил, предданных на национальном уровне (агентский этап). Интенсивность этой борьбы существенно различается. В городах корпоративной прозрачности процесс идет медленнее, представители системной и несистемной оппозиции не только допускаются к выборам, но и иногда их выигрывают, чему способствуют и многочисленные, сопоставимые по ресурсам экономические субъекты, что усиливает экономическую конкуренцию, находит свое отражение в социальной и политической конкуренции и требует использования стандартизированных административных процедур для предупреждения возможных конфликтов.

ОГРАНИЧЕНИЯ, ДИСКУССИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Работая над материалом, мы убедились, что анализ политического процессов в урбанистическом контексте с использованием онтологических принципов и концептуального аппарата теории ассамблежей обладает серьезными перспективами, позволяя объяснить и прогнозировать тенденции в поведении политических акторов на основе общих закономерностей формирования и развития многочисленных сборок. Хотя жизнь в каждом городе представляет собой индивидуальную историю, тем не менее закономерности циркуляции компонентов на материальном полюсе (положения города в территориальном пространстве, перемещения человеческих тел в повседневных процессах, движение труда и капитала и т.д.) во многом определяют

тип легитимности и способы ее обоснования на полюсе экспрессивном. Хотя эта работа сделана в максимально крупном масштабе, она позволила не только выявить качественные различия между городами, но и показать перспективы дальнейших количественных исследований в русле сформированных гипотез. Например, развитие темы в одном направлении может проходить через расширение числа исследуемых городов и сформированных в них ассамбляжей или, напротив, уменьшения масштабов и анализа электорального поведения в зависимости от плотности застройки.

В целом материальные компоненты определяют компоненты экспрессивные, географическое положение определяет доминирующий тип экономики и организаций на территории, что, в свою очередь, задает пределы и объемы активностей горожан и нормы социальных взаимодействий, что опять требует определенного типа легитимности. В городах, где идет непрерывный процесс коммуникации и обменов с внешней средой (порты или хабы) и другими городами, личные границы горожан, организаций и города не заканчиваются его территорией, сложность ситуаций увеличивает объемы рисков, навыков и компетенций, что требует включения в процесс управления и рационально-правового типа легитимности. В городах, создающих управленческие услуги для меньших по размеру территорий и выступающих для них в качестве представителя верховной власти, востребован традиционный или, в случае, если ситуация воспринимается как экстремальная, харизматический тип легитимности. Эта однородная (территоризированная) или, наоборот, сложная (детерриторизированная) идентичность закрепляется в символике города, направленной на движение к будущему или прошлому, к символам производства или традиций.

Политическая история городов определялась двумя значимыми условиями: типом города (хаб или центр) и политикой, проводимой федеральными структурами. В городах-хабах с многообразием компонентов, сложившимися горизонтальными связями и культурой, основанной на универсальных правовых стандартах, спрос был больше на политиков, умеющих договариваться и координировать усилия различных акторов. В городах — административных центрах, где компонентов было меньше, а в основе отношений была преимущественно

вертикальная интеграция и патрон-клиентельные отношения, спрос был на политиков, способных создать необходимый образ уверенной власти и решать персональные проблемы. Во втором случае политические лидеры создавали собственные политико-административные ассамблежи, что в ряде случаев позволяло быстро решать городские проблемы. Данные показывают, что благоприятная среда может быть создана при любой политической модели. Политика федерального центра, проводимая с 2000 г., уменьшала значение политической (конкурентной) составляющей ассамблежа и усиливала административную часть, что привело к ее практическому исчезновению на уровне не только городов-центров, где она никогда не играла и вряд ли будет играть какую либо роль, но и городов-хабов, где она выступает значимым компонентом политического дизайна.

Материальная составляющая современных сибирских городов, прежде всего городов-хабов вполне соответствует универсальным урбанистическим тенденциям. Города движутся с разной скоростью, но в одном направлении. Их жители обречены на активность. Согласимся с тезисом Амина и Трифта, что город, с одной стороны, выступает местом активации мышления и практик [1, с. 180–182], с другой — фабрикой, активно создающей все новые комплексы многочисленных проблем, из которых ключевыми все ближе и ближе становится износ систем жизнеобеспечения и рост различных форм заболеваний и преступности. Общая урбанистическая тенденция к детерриторизации требует создания и поддержания символической среды, основанной на традиционных городских ценностях, сочетающих рост индивидуальных возможностей с коллективными ограничениями, институтов развития способностей с ритуалами солидарности.

Города, их организации и сообщества способны давать адекватные ответы и выработать жизнеспособные программы не за счет регулярного обращения и восхваления опыта локального прошлого, а через умение соотнести собственный опыт с более широким социально-историческим контекстом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пустовойт Юрий Александрович — кандидат полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии Новосибирского государственного университета, доцент кафедры политологии Томского государственного университета.
Электронная почта: pustovoyt1963@gmail.com.

Research Article

YURY A. PUSTOVOIT^{1, 2}

¹ Tomsk State University. 634050, Tomsk, Lenin Ave., 36

² Novosibirsk State University. 630090, Novosibirsk, Pirogov St., 2

CONDITIONS AND STAGES OF FORMATION OF POLITICAL AND ADMINISTRATIVE ASSEMBLIES IN SIBERIAN CITIES

Abstract. The paper examines the conditions and stages of formation of various types of power relations from 1991 to 2021 using the example of a comparative analysis of political processes in Siberian cities. To explain the differences in political trajectories, the author uses, on the one hand, the conceptual apparatus of the theory of assemblages by the Mexican-American researcher M. Delanda and builds his conclusions on the basis of the deductive method, and on the other hand, considers the course and results of election campaigns in the selected cities, inductively constructing ideal-typological models of winning coalitions. The main concept of the study is the “political-administrative assembly”, an autonomous entity consisting of heterogeneous parts of different nature, capable of providing forced coordination of other assemblies based on the legitimate recognition of its right to determine the target priorities of the community, mandatory social standards and to exercise control over their observance. Assemblies differ from each other in their assessments of electoral competition (personification-corporatism) and the transparency of administrative procedures (transparency-aberration). Thus, four models of assemblages are identified, two of which are designated as “Hobbesian patterns”, two as “Locke patterns”. To explain the discrepancy between the processes of formation of various patterns, a “place” hypothesis has been formulated, where the geographical location acts as a condition determining the nature of economic, social and cultural manifestations (a hub city or an administrative center city), which largely sets the parameters of the spatial, infrastructural and information environment of the city in question, which, in addition to the material component, finds its expression in the symbolic environment, the expressive pole (the city coat of arms), becoming the basis of the city’s identity (a trading city, an industrial city, an administrative center). Analysis of election campaigns shows a shift in local political agendas from complexes of local problems (1991–2000) to issues of the

local economy (2000–2011) to the articulation of large-scale problems of a national scale at the local level (2011–2021). The latest trends mean the unification of management and the transition to the “Hobbes pattern”, which, within the framework of the chosen theoretical model, inevitably leads to a decrease in the social activity of the population, the impoverishment of the symbolic environment and the weakening of the signal complexes about the state of the infrastructural environment.

Keywords: city, assemblage, power groups, networks, elites, infrastructure, urban regime, Siberia.

For citation: Pustovoit Yu.A. Conditions and stages of formation of political and administrative assemblies in Siberian cities. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 74–103. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.4>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yury A. Pustovoit – Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Science, Novosibirsk State University, Associate Professor, Department of Political Science, Tomsk State University. **E-mail:** pustovoit1963@gmail.com.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. *Амин Эш, Трифт Н.* Города: переосмысляя городское / пер. с англ. В. Николаева. М.: Красная ласточка, 2017. 218 с.
Amin Esh, Trift N. Cities: Rethinking the Urban [Russ. ed: *Goroda: pereosmyslyaya gorodskoe*. Transl. from Eng. by V. Nikolaev. Moscow: Krasnaja lastochka, 2017. 218 p.]
2. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь Мир, 2006. 592 с.
Brodel' F. *Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 1: Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. T. 1* [Material Civilization, Economy, and Capitalism, 15th–18th Centuries. Vol. 1: Everyday Life Structures: The Possible and the Impossible. Vol. 1]. Moscow: Ves' Mir, 2006. 592 p. (In Russ.)
3. *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Strelka Press, 2016. 108 с.
Virt L. Urbanism as a Way of Life. [Russ. ed: *Urbanizm kak obraz zhizni*. Transl. from Eng. by V.G. Nikolaev. Moscow: Strelka Press, 2016. 108 p.]
4. *Глазычев В.Л.* Политическая экономия города: учебное пособие. М.: Издательство «Дело» АНХ, 2009. 189 с.

- Glazychev V. L. *Politicheskaya ekonomiya goroda: uchebnoe posobie* [Political Economy of the City: A Textbook.] Moscow: Delo Publishing House of the Academy of National Economy, 2009. 189 p. (In Russ.).
5. Глейзер Э.Л. Триумф города: как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее / пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Издательство Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара. 2011. 430 с.
- Glizzer E. L. *Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier* [Russ. ed: *Triumf goroda: kak nashe velichajshee izobretenie delaet nas bogache, umnee, ekologichnee, zdorovee i schastlivee*. Transl. from Eng. by I. Kushnareva. Moscow: Publishing House of the E.T. Gaidar Institute for Economic Policy, 2011. 430 p.]
6. Деланда М. Война в эпоху разумных машин / пер. с англ. Д. Кралечкина. Екатеринбург: Кабинетный ученый; Институт общегуманитарных исследований. 2018. 202 с.
- Delanda M. *War in the Age of Intelligent Machines* [Russ. ed: *Voina v epokhu razumnykh mashin*. Transl. from Eng. by D. Kralechkin. Yekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj; Institut obshhegumanitarnyh issledovanij, 2018. 202 p.]
7. Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. К. Майоровой. Пермь: Гиле пресс, 2018. 164 с.
- Delanda M. *New philosophy of society: the theory of assemblages and social complexity*. [Russ. ed: *Novaya filosofiya obshchestva: teoriya assamblyazhei i sotsial'naya slozhnost'*. Transl. from Eng. by K. Majorova. Perm': Gile press, 2018. 164 p.]
8. Кынев А. В. Кто и как управляет регионами России: система управления и административная устойчивость власти российских регионов. М.: Рутения, 2024. 655 с.
- Кунев, А. В. *Kto i kak upravlyaet regionami Rossii: sistema upravleniya i administrativnaya ustojchivost' vlasti rossijskih regionov* [Who and How Governs the Regions of Russia: the System of Governance and Administrative Stability of the Authorities of Russian Regions.] Moscow: Ruthenia, 2024. 655 p. (In Russ.)
9. Логан Д., Молоч. Х. The City as a Growth Machine // *Urban Sociology*. 1988. Дата обращения 31.10.2024. URL: <http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/x-city-as-growth-machine.html>
- Logan D., Moloch X. *The City as a Growth Machine*. *Urban Sociology*. Accessed 31.10.2023. URL: <http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/x-city-as-growth-machine.html>. (In Russ.)

10. Пустовойт Ю.А. Назад в общину: динамика политико-административных ассамбляжей в городах Сибири (1991–2021 г.) // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 1. С. 156–189. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.6>. EDN RWQLUP
Pustovojt Yu.A. Back to the Community: Dynamics of Political-Administrative Assemblages in Siberian Cities (1991–2021). *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 156–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.6>. (In Russ.)
11. Розов Н.С. Построение объяснительных теорий в исторической социологии: реконструкция «историй успеха // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. №. 1. С. 7–25. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.1>. EDN: RPRIPB
Rozov N.S. Construction of Explanatory Theories in Historical Sociology: Reconstruction of “Success Stories”. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2023. Vol. 26. No 2. P. 7–25. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.1>. (In Russ.)
12. Уилсон Б. Metropolis: город как величайшее достижение человечества / пер. с англ. Д.Л. Казакова. М.: Бомбора, 2021. 554 с.
Uilson B. Metropolis: the city as the greatest achievement of mankind [Russ. ed: *Metropolis: gorod kak velichajshee dostizhenie chelovechestva*. Transl. from Eng. by D.L. Kazakov. Moscow: Bombora, 2021. 554 p.]
13. Histori City. Городские исследования и история современности / под ред. Б. Степанова, К. Левинсона, О. Запорожца. М.: НЛО, 2024. 456 с.
Histori City. Gorodskie issledovaniya i istoriya sovremennosti [Histori City. Urban Studies and History of Modernity]. Ed. by B. Stepanov, K. Levinson, O. Zaporozhec. Moscow: NLO, 2024 456 p. (In Russ.)

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: А.В. Дука
Научные редакторы: А.С. Быстрова, Д.Б. Тев
Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Журнал «Власть и элиты» включен в базу РИНЦ

Права на материалы, опубликованные журналом «Власть и элиты», принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются. Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.powerelites.ru>
- на сайте издателя: <https://socinst.ru/publications/powerelites/>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=59624

Издатель: Социологический институт РАН – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
Сайт издателя: <https://socinst.ru/>
Электронная почта редакции: si_ras@mail.ru
Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2024. Том 11. № 2. Дата выхода в свет 28.12.2024.